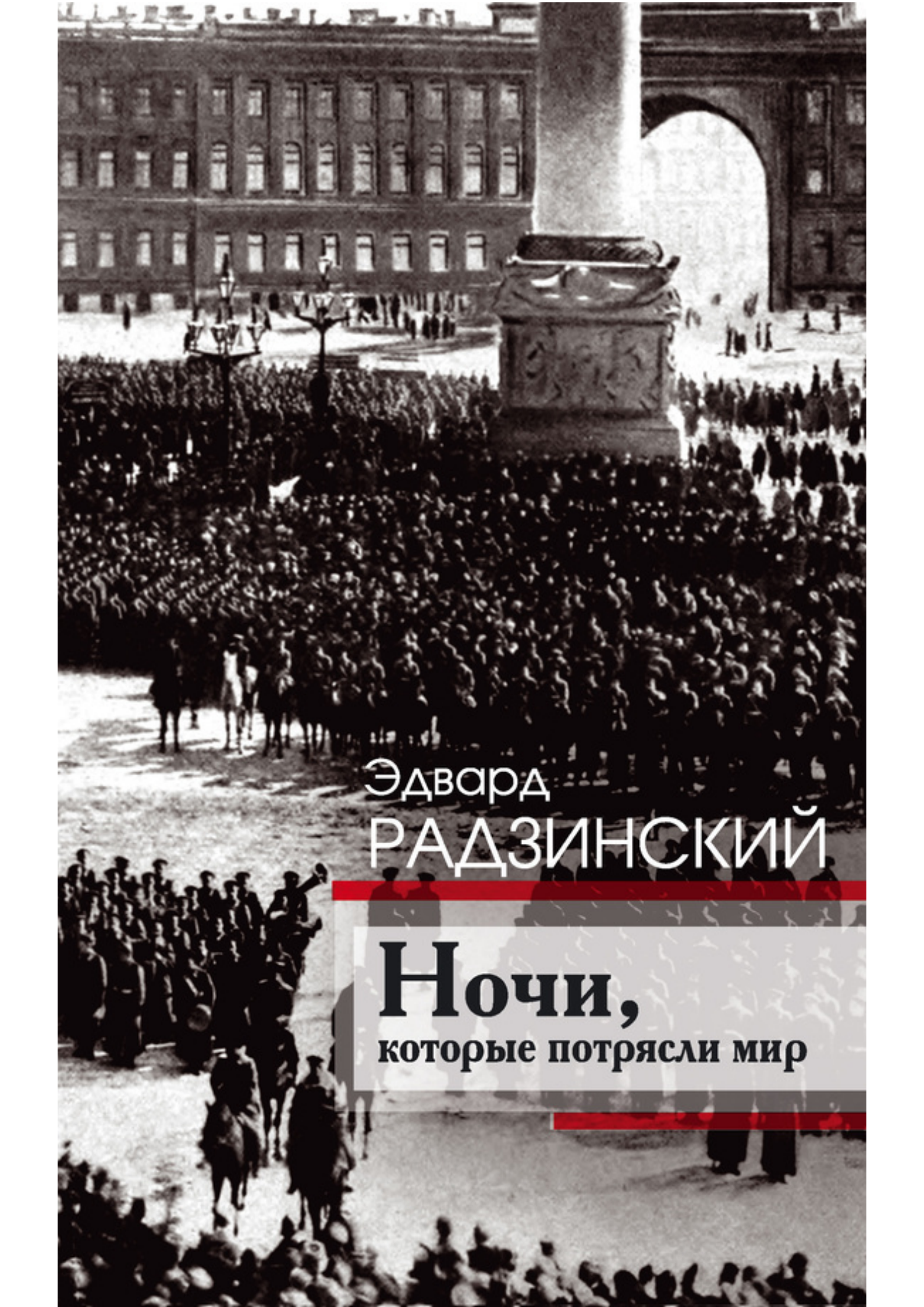

Эдвард
РАДЗИНСКИЙ

Ночи,
которые потрясли мир

Династия без грима

Эдвард Радзинский

Ночи, которые потрясли мир

«АСТ»

2007

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Радзинский Э. С.

Ночи, которые потрясли мир / Э. С. Радзинский — «АСТ»,
2007 — (Династия без грима)

ISBN 978-5-17-105173-0

«Ранним утром 19 декабря на Малой Невке у моста был обнаружен всплывший труп. Всплыл он страшно – задранная рубашка примерзла к телу, открывая пулевые раны. На лице кровоподтек – след от удара ногой в висок... Трупы сложили в яму и облили лица и все тела серной кислотой как для неузнаваемости, так и для того, чтобы предотвратить смрад от разложения... Забросав землей и хворостом, сверху наложили шпалы и несколько раз проехали – следов ямы не осталось. (Из «Записки» Я. Юровского, руководившего расстрелом Царской Семьи в ночь на 17 июля 1918 г.) ...Ну я вошел в эту комнату и гляжу в раскрытую дверь в малую столовую, а там на полу Хозяин лежит и руку правую поднял... вот так. – Здесь Лозгачев приподнял полусогнутую руку. – ...Он еще, наверное, не потерял сознание, но и говорить не мог.»

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-105173-0

© Радзинский Э. С., 2007
© АСТ, 2007

Содержание

Часть первая	7
Действующие лица	7
Князь и мужик	8
«Эра покушений» начинается	8
Еще один премьер	9
«Оставшаяся немкой на русском престоле»	11
«Ты должна тоже в том участвовать»	11
Плотская страсть?	12
Загадка распутинской охраны	13
Царственная приманка	14
«Репетиции» заканчиваются	15
«Не тащи меня в Петроград...»	17
«Царство воли и мощи»	18
«Устами младенца...»	19
«А ты, красавица, тяжкий крест примешь...»	19
Последние дни	20
Убийство	21
Последний вечер	21
Хроника утра	22
«Я не хочу верить, что его убили...»	23
«Дело об исчезновении крестьянина Распутина»	24
Рассказывают полицейские	24
«Собаку убил именно он...»	25
Арест на вокзале	26
Рассказывают убийцы	27
Правда о «кошмарной ночи»	36
«Маланья тоже участвует...»	36
А были ли отравленные пирожные?	37
Версия эротическая	38
Версия реалистическая	39
Кто убил?	39
Реконструкция убийства	40
Встреча с трупом	41
Тайное погребение	42
Наказание князей	43
«Покончить и с Александрой Федоровной»	44
«Вечно вместе и неразлучны»	45
Эпилог	46
Экскурсия на место убийства	46
Исчезнувшие деньги и люди	46
Жизнь после смерти	47
Благословение на гибель	49
А было ли предсказание?	49
«Тяжелая рука»	50
Выжившие	52
«Вечно вместе и неразлучны»?	53

Конец ознакомительного фрагмента.

54

Эдвард Станиславович Радзинский

Ночи, которые потрясли мир

© Радзинский Э.С., 2007

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Часть первая Смерть Распутина

Действующие лица

Николай Александрович (Ники) – *император всея Руси*

Александра Федоровна (Аликс) – *императрица всея Руси*

Григорий Распутин (Мужик, Старец, Наш Друг)

Александр Трепов – *председатель Совета министров*

Николай Михайлович – *великий князь*

Ирина – *жена Феликса Юсупова, племянница Николая II*

Почитательницы Распутина:

Анна Вырубова

Мария Головина (Муня)

Заговорщики:

Дмитрий Павлович – *великий князь*

Владимир Пуришкевич – *депутат Государственной думы*

Феликс Юсупов – *князь*

Александр Сухотин – *поручик*

Станислав Лазоверт – *врач*

Князь и мужик

«Эра покушений» начинается

Не зря императрица Александровна Федоровна видела страшный сон... Именно тогда, в начале ноября 1916 года, Феликс Юсупов возобновил знакомство с Распутиным.

На следствии по делу об убийстве Юсупов показал: «После большого перерыва... я встретил Григория Распутина в ноябре месяце в доме Головиной». Это подтвердила и Муня: «В 1916 году в ноябре месяце князь Юсупов встретил Распутина у меня на квартире».

Вот версия из воспоминаний Феликса: «Мне позвонила М. Г. (Муня Головина. – Э.Р.)... «Завтра у нас будет Григорий Ефимович, ему очень хочется с вами повидаться...» Сам собой открывался путь, по которому я должен действовать... Правда... идя по этому пути, я вынужден обманывать человека, который искренне ко мне расположен».

Скорее всего, Феликс написал неправду. Тогда, в ноябре 1916 года, уже началась охота за Распутиным. И, видимо, существовал план, в котором несчастной Муне было отведено важное место. Ей предназначалось сыграть роковую роль в гибели того, кому она так поклонялась... И конечно же Юсупов сам позвонил ей. «Феликс жаловался на боли в груди», – показала Муня в «Том Деле». Своими жалобами на болезнь, которую не могут вылечить доктора, он легко вызвал с ее стороны предложение устроить встречу с великим целителем. Феликс знал о давней мечте Муни соединить двух людей, которых она так бескорыстно и преданно любила...

И они встретились на квартире Головиных – князь и мужик. «С тех пор, как я первый раз его видел, Распутин очень переменялся, – вспоминал Юсупов. – Его лицо стало одутловатым, и он весь как-то обрюзг. Одет он был не в простую поддевку, а в шелковую голубую рубашку и бархатные шаровары. Держал он себя очень развязно... Меня он поцеловал». На сей раз князь от поцелуя не уклонился.

Накануне Муня в разговоре с Распутиным назвала Феликса «маленький» – в отличие от «большого» Феликса Юсупова, его отца. Распутин, обожавший клички, тут же это прозвище подхватил. Так он и звал отныне князя.

После этой встречи Феликс начинает, по его словам, подыскивать соратников для будущего убийства. «Перебирая в уме друзей, которым я мог доверить свою тайну... я остановился на двоих из них. Это был великий князь Дмитрий Павлович и поручик Сухотин... Я был уверен, что великий князь меня поддержит и согласится принять участие в исполнении моего замысла... *Я знал, до какой степени он ненавидит «старца»* и страдает за Государя и за Россию». И Феликс просит Дмитрия о встрече. «Застав его одного в кабинете, я немедленно приступил к изложению дела. Великий князь... сразу согласился и сказал, что уничтожение Распутина будет последней и самой действенной попыткой спасти погибающую Россию».

Думаю, тут Феликс сообщает нам всего лишь будущую легенду о том, что убийство Распутина было задумано им одним, а великий князь лишь присоединился... Скорее всего, было иначе. Великий князь Дмитрий и Феликс, два очень близких друга, решились на то, о чем в Романовской семье много говорили, но никто не смел исполнить – уничтожить Распутина. И *решение убить, судя по всему, исходило именно от Дмитрия*, этого brave гвардейца, который, как справедливо писал Феликс, ненавидел «старца», а отнюдь не от штатского Юсупова. Хорошо знавшая обоих Элла напишет: «Феликс, который и мухи-то не обидит... который не желал быть военным, чтобы не пролить чей-то крови».

Но в коварстве задуманного плана чувствовалась рука Феликса, древняя кровь беспощадных татарских ханов...

Об их решении конечно же знали в Романовской семье. Недаром Феликс писал «о заговоре», недаром царь потом напишет великим князьям: «Знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан...»

Во всяком случае, отметим странное совпадение – за 10 дней до убийства Распутина великая княгиня Елизавета Федоровна вдруг покинет Петроград. И не просто покинет – уедет молиться в монастырь. И не просто в монастырь – в Саровский монастырь, где покоились мощи святого Серафима, считавшегося покровителем Царской Семьи. Она будто знает – должно случиться что-то важное и страшное для Семьи, и едет молить за нее Бога и святого Серафима...

Впоследствии Элла напишет царю: «Я поехала в Саров и Дивеево... 10 дней я молилась за вас всех – за твою армию, страну, министров, за слабых душою и телом, и в том числе за этого несчастного, чтобы Бог просветил его...» Да, она молилась за «несчастливого» Распутина, просила Бога просветить его, чтобы тот избежал неминуемого, о котором она *знала*... Молилась она и за тех, кто решились пролить кровь, за своих воспитанников: Дмитрия, жившего в ее семье до гибели мужа, и Юсупова, которого она любила, называла «Мой маленький Феликс»...

Но обсуждение плана убийства на короткий срок было прервано. Великому князю надо было вскоре возвращаться в Ставку. Но оба знали, что Дмитрий там надолго не задержится, ибо «его не любят и боятся его влияния». И это было правдой – вспомним письма Аликс.

Феликс упоминает рассказ великого князя о том, как тот «заметил, что с Государем творится что-то неладное. С каждым днем он становится все безразличнее к окружающему... по его (Дмитрия. – Э.Р.) мнению, все это следствие злого умысла... Государя спаивают каким-нибудь снадобьем, которое притупляюще действует на его умственные способности». По распространявшейся тогда легенде, Распутин и царица при помощи тибетских лекарств доктора Бадмаева поработили волю царя.

Так заговорщики «накачивали» друг друга, объясняя самим себе необходимость спешно исполнить свою миссию.

Между тем у безразличия царя было другое, куда более реальное основание.

Еще один премьер

Накануне сессии Думы правые предложили Николаю свое разрешение ситуации, которая становилась все более угрожающей. Князь Римский-Корсаков, член Государственного Совета, в доме которого собирался тогда узкий кружок правых аристократов, передал Штюмеру «записку» для царя: «Так как сейчас нет сомнений, что Дума вступает на явно революционный путь... Дума должна быть немедленно распущена без указания срока нового ее созыва... Имеющаяся в Петрограде военная сила представляется вполне достаточной для подавления возможного мятежа».

Но Штюмер не рискнул передать «записку». Он тоже видел странное безразличие Государя и лишь доложил о настроениях защитников престола. Николай равнодушно выслушал премьера и приказал... открыть сессию Думы.

Царь становился все более бездеятелен, потому что понял безвыходность положения. Он читал отчеты тайной полиции и отлично знал про зреющий всеобщий заговор. Но он устал от этой бесконечной борьбы *и решил отдать им власть*. И уйти в частную жизнь,

чтобы оставили в покое сходящую с ума от яростной деятельности и безумных предчувствий жену. И мужика, который помогал их Семье выжить, лечил и Аликс, и сына...

Теперь Николай уже сам желал неминуемого, а пока вяло пытался успокоить кипевшую Думу, в который раз безнадежно перетасовывал правительство... 10 ноября вместо ненавистного Думе Штюмерера он назначил премьером Алексея Трепова – выходца из знаменитой семьи правых бюрократов. Его отец Федор Трепов был Петербургским градоначальником, брат Дмитрий в свое время занимал пост министра внутренних дел... Но бедному новоиспеченному премьеру с трудом удалось произнести свою первую речь в Думе – его освистали. Депутаты не хотели подачек от власти, они требовали создания своего Совета министров, ответственного перед Думой. Тогда Николай решил пойти на последнюю уступку – отдать Протопопова (Родзянко успел ему многое рассказать о полубезумном министре).

10 ноября царь писал Аликс: «Ты, наверное, уже будешь знать про перемены, которые крайне необходимо теперь произвести... Протопопов – хороший человек, но он перескакивает с одной мысли на другую и не может решиться держаться определенного мнения... Говорят, несколько лет тому назад он был не вполне нормален после известной болезни... Рискованно оставлять министерство в руках такого человека в такие времена... Только прошу тебя, не вмешивай Нашего Друга... Ответственность несу я и поэтому желаю быть свободным в своем выборе».

Он лишь умолял жену не заклинять его словами мужика. Но она поняла – Ники решил покончить с «царскосельским кабинетом», который должен был их спасти. Он решил вновь обратиться к «гадким людям», мечтающим ограничить царскую власть. Его опять обманут!

И «быть свободным в выборе» она ему не позволила. В дело тотчас вступили советы «Нашего Друга».

«10 ноября... Еще раз вспомни, что для тебя, для бэби и для нас... тебе необходимы прозорливость, молитвы и советы Нашего Друга... Протопопов чтит Нашего Друга, и потому Бог будет с ним... Штюмерер трусил, месяцами не виделся с Ним... и вот – потерял почву под ногами... Ах, милый, я так молю Бога, чтобы Он просветил тебя, что в Нем наше спасение – не будь Его здесь, не знаю, что было бы с нами. Он спасает нас Своими молитвами... Прощу тебя ради меня – не сменяй никого до моего приезда...»

Аликс приехала в Ставку, и царь... оставил Протопопова.

Он еще раз сдался. И еще раз понял безнадежность ситуации.

Он очень устал.

Новый премьер Трепов начал точно также, как его предшественники, как недавно павший Хвостов. Он решил успокоить кипевшую Думу, а для этого – удалить Распутина из Петрограда. Зная о мужике лишь по слухам, Трепов совершил ту же ошибку, которую совершил Хвостов, – задумал его купить.

К Распутину, по поручению Трепова, пришел родственник премьера – генерал Мосолов. Он считал, что умеет говорить с мужиками, и потому принес с собою вина. Распутин вино выпил, и Мосолов от имени Трепова предложил ему отказаться от всякого вмешательства в дела управления государством, в назначения министров. За это щедрый премьер обязался выплачивать мужику целых 30 000 рублей ежегодно.

Так пересказал на следствии этот эпизод Белецкий – со слов самого Распутина. И добавил, что Распутин отказался и тотчас «передал Государыне и царю о предложении Трепова... купить замалчивание всего того, что Распутин считает не отвечающим интересам царей».

Эти глупцы предлагали ему променять место советчика «царей» на жалкие деньги, которые он ни во что не ставил, прокучивал и швырял на ветер!

Так Трепов сразу попал в недоверие к царице, и его судьба была предрешена... «Наш Друг» сформулировал: «Нельзя держать Треповых, фамилия у них несчастливая».

«Оставшаяся немкой на русском престоле»

Между тем в Думе произошло невероятное. 19 ноября депутат Пуришкевич, чьи пики усов и лысая голова были известны по газетным портретам всей России, фанатичный монархист, прославившийся бесконечными оскорблениями оппозиции, обрушил громовую речь... на Государыню всея Руси и на мужика у трона.

В 2 часа ночи взбешенный Протопопов передал по телеграфу в Ставку самые опасные куски речи (в архиве я нашел его телеграмму). В газетах эти куски вымарала цензура. Но на следующий день... их повторял весь Петроград, ибо речь Пуришкевича ходила по городу в бесчисленных списках.

«Зло идет от тех темных сил и влияний, которые... и заставляют взлетать на высокие посты людей, которые не могут их занимать... От влияний, которые возглавляются Гришкой Распутиным (шум, голоса: «Верно! Позор!»)... Ночи последние я спать не могу, даю вам честное слово... лежу с открытыми глазами и мне представляется ряд телеграмм, записок, сведений, которые пишет этот безграмотный мужик то одному, то другому министру... Были примеры, что неисполнение этих требований влекло к тому, что эти господа, сильные и властные, слетали... В течение двух с половиной лет войны я... полагал, что домашние распри должны быть забыты во время войны... Теперь я нарушил этот запрет, чтобы дать докатиться к подножью трона тем думам русских масс и той горечи обиды русского фронта, в которые ее поставили царские министры, обратившиеся в марионеток, нити от которых прочно забрали Распутин и императрица Александра Федоровна – *злой гений России и царя... оставшаяся немкой на русском престоле... чуждая стране и народу...*»

Дальше идти было некуда!

Можно представить, с какими чувствами читал эту речь царь. Теперь он понял окончательно: ему оставляли единственный выбор – или Аликс, или трон.

И он выбрал – ее... И ждал неминуемого.

Когда Распутину прочитали речь Пуришкевича, он отреагировал так, как Аликс и ожидала от него, – по-евангельски простил. Но понял, что надо поддержать дух «царей», и послал телеграмму в Ставку: «19.11.16. Пуришкевич ругался дерзко, но не больно. Мой покой остался не нарушен». А чтобы и царский покой не нарушать, предсказал: «Бог укрепит вас. Ваша победа и ваш корабль. Никто не имеет власти на него сесть». Так он обещал «царям» лучезарное завтра за пару месяцев до революции.

Повторил он то же и «маме»: «22 ноября... Верьте и не убойтесь страха, сдайте все свое (империю. – Э.Р.) Маленькому в целости. Как отец получил, так и его сын получит».

И в на редкость связной для него записке дворцовому коменданту Воейкову Распутин написал: «Без привычки даже каша не сладка, а не только Пуришкевич с его бранными устами... Теперь таких ос расплодилось миллионы. А надо быть сплоченными друзьями. Хоть маленький кружок, да единомышленники... В них злоба, а в нас дух правды... Григорий Новый». Но самое страшное (о чем говорил и Пуришкевич) Распутин здесь подтвердил: «Таких ос расплодилось миллионы»...

Утром 20 ноября речь Пуришкевича самым внимательным образом прочел и Феликс Юсупов.

«Ты должна тоже в том участвовать»

Пуришкевич проснулся знаменитым. Как он запишет в дневнике, «20 ноября весь день трещал телефон, поздравляли... Из звонивших меня заинтересовал один, назвавшийся князь Юсупов... он попросил позволения побывать у меня для выяснения некоторых вопросов,

связанных с ролью Распутина, о чем по телефону говорить неудобно. Я попросил заехать его в 9 утра».

Перед визитом к Пуришкевичу Феликс отправил письмо в Крым – жене Ирине.

Феликс все это время был в Петрограде – проходил военную подготовку в Пажеском корпусе. «Половина молодых» в Юсуповском дворце на Мойке перестраивалась, и он жил во дворце тестя, великого князя Александра Михайловича.

А в Крыму в то время шли теплые дожди, великокняжеские дворцы опустели. Из всего блестящего общества там спасались от промозглой столичной осени лишь мать и жена Феликса.

Ирина и Феликс постоянно обменивались письмами – бесконечными заверениями в любви, так похожими на послания Ники и Аликс. И хотя их чувства были отнюдь не схожи (хотя бы по причине особых склонностей Феликса), но таков уж был эпистолярный стиль того времени, и они ему следовали...

Болезни и меланхолия, судя по этим письмам, не покидали хрупкую красавицу. Но то, что написал ей Феликс в день визита к Пуришкевичу, заставит Ирину забыть о всех своих недугах. В письме, которое доставит Ирине «верный человек», Феликс вместо привычных слов любви... сообщал о готовящемся убийстве, в котором решил принять самое деятельное участие!

«Я ужасно занят разработкой плана об уничтожении Распутина. Это теперь просто необходимо, а то все будет кончено. Для этого я часто вижусь с М. Гол. (Муней Головиной. – Э.Р.) и с ним (Распутиным. – Э.Р.). Они меня очень полюбили и во всем со мной откровенны...» И далее – то, что поразило Ирину: «*Ты должна тоже в том (то есть в убийстве! – Э.Р.) участвовать.* Дм. Павл. (великий князь Дмитрий Павлович. – Э.Р.) обо всем знает и помогает. Все это произойдет в середине декабря, когда Дм. приезжает... Как я хочу тебя видеть поскорее! Но лучше, если бы ты раньше не приезжала, так как комнаты будут готовы 15 декабря и то не все... и тебе будет негде остановиться... *Ни слова никому о том, что я пишу*».

И в заключение он просил Ирину: «Скажи моей матери (о плане. – Э.Р.), прочитай ей мое письмо...»

Ибо Феликс знал: мать благословит скорую развязку. Желанную развязку...

Плотская страсть?

После гибели Распутина его служанка Катя Печеркина показала, что первый раз Феликс пришел к ним на квартиру «20 ноября, в День введения во Храм Пресвятой Богородицы». И пришел не один – с Марией Головиной.

Муня показала в «Том Деле»: «Феликс... жаловался на боли в груди... я посоветовала ему побывать на квартире у Распутина... Князь ездил со мною 2 раза – в конце ноября и в начале декабря. И оставался у него менее часа...»

Итак, в тот же день, когда Феликс позвонил Пуришкевичу, он и посетил впервые квартиру Распутина. Этот визит должен был помочь Феликсу исполнить самую важную часть намеченного плана – *заставить Распутина полностью ему довериться*.

Феликс весьма кратко описал следователю, ведущему дело об убийстве Распутина, сам загадочный процесс «лечения»: «Распутин делал надо мной пассы, и мне казалось, что наступило некоторое облегчение».

Куда подробнее он изложил это уже в эмиграции: «После чаю Распутин впустил меня в кабинет – в маленькую комнатку с кожаным диваном, несколькими креслами и большим

письменным столом... «Старец» велел мне лечь на диван, затем тихонечко провел по моей груди, шее и голове... потом опустился на колени, положив руки мне на лоб, пробормотал молитву. Его лицо было так близко к моему, что я видел лишь глаза. В таком положении он оставался некоторое время, потом резким движением поднялся и начал делать пассы над мной. Гипнотическая власть Распутина была беспредельной. Я чувствовал входящую в меня силу, теплым потоком охватывающую все мое существо, тело онемело, я пытался говорить, но язык не слушался меня... Только глаза Распутина сверкали передо мной – два фосфоресцирующих луча... Затем я почувствовал проснувшуюся во мне волю – не подчиняться гипнозу. Я понял... я не дал ему полностью подчинить мою волю».

Но остался дневник человека, который хорошо знал Феликса и высказал ряд интересных соображений по поводу распутинского «лечения». Это все тот же великий князь Николай Михайлович. Уже после убийства Распутина он постарался выпытать из Феликса как можно больше подробностей.

«Феликс выложил мне всю правду... Гришка сразу полюбил его... и вскоре совсем доверился ему... доверился вполне. Они виделись чуть ли не ежедневно, говорили обо всем... причем Распутин посвящал его во все свои замыслы, нисколько не стесняясь такой откровенностью».

И великий князь, размышляя о внезапном доверии Распутина ко вчерашнему своему недоброжелателю, задает совершенно необходимый вопрос: «Не могу понять психики Распутина... Чем, например, объяснить безграничное доверие Распутина к молодому Юсупову? Он никому вообще не доверял... опасаясь быть отравленным или убитым». И удивление Николая Михайловича абсолютно правомерно. Распутин, как мы помним, действительно боялся покушений.

Великий князь отвечает на свой вопрос так: «Остается предположить что-то совсем невероятное... а именно *влюбленность, плотскую страсть к Фениксу*, которая омрачила этого здоровенного мужчину и развратника и довела его до могилы... Неужели во время нескончаемых бесед они только говорили? Убежден, были какие-то физические изъяснения дружбы... в форме поцелуев, взаимного ощупывания и, возможно, *чего-то еще более циничного*... Садизм Распутина не подлежит сомнению. Но насколько велики плотские извращения у Феликса, мне еще мало понятно. Хотя слухи о его похотях циркулировали в обществе до его женитьбы».

Впрочем, «лечить» на языке «Нашего Друга» означало «изгонять беса блуда». Не идет ли речь в случае с Феликсом об «изгнании похоти к мужчинам», за что и взялся «универсальный врач» из сибирского села? Взялся лечить своим, «проверенным способом»... Возможно, с этим связана и таинственная предыстория их отношений, закончившаяся пощечиной... Но одно ясно: именно эти встречи свершили невозможное – мужик всецело доверился князю.

Загадка распутинской охраны

Приезжая к Распутину, Феликс поднимался в квартиру по «черной лестнице» (ко входу для прислуги), минуя агентов, охранявших мужика. Объяснить Распутину и Муне обычай приходить с черного хода князю было просто: его семья ненавидит Григория, и он не хочет лишних конфликтов... Так он приучал Распутина к своим тайным приходам.

И Печеркина на следствии отметила: «Маленький» приходил с черного хода». Но она запомнила только два появления Феликса, и оба – с Марией Головиной. Однако, судя по всему, он приходил гораздо чаще, просто Распутин старался, чтобы свидетелей этих визитов не было.

Сам Феликс о числе своих посещений Распутина скажет следовательно уклончиво, но во множественном числе: «Во время моих *последних посещений* Распутина...» Но, со слов

мужика, Лили Ден покажет в «Том Деле»: «Князь *часто бывал* у Распутина». И в письме царицы мужу от 17 декабря читаем: «Феликс в последнее время *часто ездил* к Нему».

Впоследствии заговорщики, желая показать трудности, которые они преодолели, будут говорить, что Распутина «охраняли шпики от трех учреждений: от императрицы, от МВД и шпики от банков». На самом деле в то время при Распутине были только агенты охраны. Более того, в один из своих ночных визитов ночью, Феликс мог с изумлением заметить, что *после полуночи Распутина вообще никто не охранял*.

Таково было секретное распоряжение Протопопова. Как показал Белецкий, жалкий министр «для особо важных разговоров приезжал к Распутину сам, вечером после 10». Не желая иметь свидетелей, Протопопов *«после 10 вечера велел снимать наружную охрану»*. При этом он лгал и в Царском Селе, и Распутину – уверял, что охрана оставалась и ночью, только «ставилась не у ворот, а напротив дома, чтобы быть незаметной».

Так Феликс узнал: после полуночи можно увезти Распутина, не опасаясь охраны. На этом и будет строиться план убийства.

Царственная приманка

Итак, 21 ноября Феликс встретился с Пуришкевичем, который в дневнике так изложил свое впечатление: «Молодой человек в форме... мне он понравился внешностью, в которой царит непередаваемое изящество и порода, и духовной выдержкой. Это, очевидно, человек большой воли и выдержки... качества, мало присущие русским людям, в особенности из аристократической среды».

Феликс изложил упоенному своей речью Пуришкевичу парадокс, который тот не понимал: «Ваша речь не принесет тех результатов, которые вы ожидаете... Значение Распутина не только не уменьшится, но, наоборот, окрепнет, благодаря его безраздельному влиянию на Александру Федоровну, управляющую фактически всем государством». Князь тоже был уверен в «безраздельном влиянии» Распутина.

– Что же делать? – спросил Пуришкевич.

– Устранить Распутина, – сказал родственник царя.

Пуришкевич с готовностью согласился участвовать в убийстве. И Феликс предложил ему познакомиться с двумя другими участниками.

«22 ноября в 8 вечера я был у князя», – вспоминал Пуришкевич. Здесь он увидел молодого офицера Преображенского полка – поручика Сухотина. А потом «в комнату влетел молодой статный красавец, в котором я узнал великого князя Дмитрия Павловича».

Пуришкевича ознакомили с планом убийства. «Выяснилось, что Распутин давно ищет случая познакомиться с некоей графиней Н., молодой петроградской красавицей, бывающей в доме Юсуповых. Но она была в Крыму... При последнем своем визите к Распутину Юсупов заявил ему, что графиня на днях возвращается в Петроград, где пробудет несколько дней и... что он может его с ней познакомить у себя дома».

Итак, некая красавица, жившая тогда в Крыму «графиня Н.», должна была стать подсадной уткой, крючком, на который решено было поймать Распутина. Так с *необходимой* лжи начинаются воспоминания Пуришкевича. Ибо под маской «графини Н.» он скрыл... жену Феликса – Ирину.

Сам Юсупов напишет: «Распутин... давно хотел познакомиться с моей женой. Думая, что она в Петрограде и что мои родители в Крыму, он согласился отправиться ко мне». Но еще интересней описывает историю с «крючком» подруга царицы Лили Ден: «В последний год жизни Распутина князь часто бывал у него... и, по словам Распутина, *рассказывал ему*

какие-то удивительные, слишком интимные вещи про свою жену. Какие именно, Распутин не сказал... Распутин должен был быть у князя, чтобы *исцелить* его жену».

«Исцелить», «интимные вещи» – то есть изгнать блудного беса! И, видимо, опять тем самым – распутинским – способом! Но не мог же монархист Пуришкевич написать, что племянницу Государя решили использовать как сексуальную приманку для распутного мужика.

Но запомним: монархические убеждения не позволяют Пуришкевичу писать правду. И это необходимо учитывать при реконструкции той петербургской ночи – ночи убийства.

Так что если предположения Николая Михайловича об отношениях Распутина с Феликсом оправданны, то в Юсуповском дворце Распутину посулили заманчивое продолжение «лечения». После того как он «изгонял блуд» из князя, он должен был «изгнать беса» из его жены. Мужика в ту ночь посулили лоно племянницы царя! Это заставило его потерять голову. Хитрый мужик обернулся токующим тетеревом. Блуд победил разум.

Но к концу ноября у заговорщиков начались осложнения. Феликс получил письмо Ирины, написанное в самом решительном тоне: «25 ноября 1916... Благодарю тебя за твое сумасшедшее письмо. Я половину не поняла, но вижу, что ты собираешься сделать что-то дикое. Пожалуйста, будь осторожен и не суйся в разные грязные истории... Главная гадость, что ты решил все сделать без меня. Не вижу, как я могу теперь участвовать, раз все уже устроено... Кто такой «М. Гол.»?... Только что поняла, что это значит и кто она... В эту минуту, пока писала!.. Одним словом, будь осторожен. Вижу по твоему письму, что ты в диком энтузиазме и готов лезть на стену... 12 или 13 буду в Петрограде, *чтоб без меня не смел ничего делать*, а то я совсем не приеду... Крепко целую. Храни тебя Господь».

Но главное из письма осталось неясным – согласна ли она участвовать.

27 ноября Феликс написал ответ: «Какое счастье твое длинное письмо... Ты прямо не знаешь, как ты мне не достаешь именно теперь, когда вся моя голова разрывается на части от всяких мыслей и планов и т. д. Так хочу тебе все рассказать... *твое присутствие в середине декабря необходимо*. План, про который я тебе пишу, разработан детально, уже три четверти сделано, *остался финальный аккорд... и для этого ждут твоего приезда*... Это (убийство. – Э.Р.) – единственный способ спасти положение, которое почти безвыходно... *Ты же будешь служить приманкой* (!!! – Э.Р.)... Конечно, ни слова никому...»

В конце письма (видимо, чтобы окончательно убедить Ирину) Феликс написал загадочную фразу: «Маланья тоже участвует».

Итак, кроме Ирины в убийстве должна была участвовать и некая Маланья...

«Репетиции» заканчиваются

Ирина должна была приехать в середине декабря. На это время и планировалось убийство. И Феликс сообщил Распутину о приезде жены.

Юсупов вспоминал: «Он согласился на предложение прийти познакомиться с женой... согласился с условием, что я сам приеду за ним и привезу его к себе. При этом он просил меня подняться по черной лестнице... Я с удивлением и ужасом отметил, с какой простотой Распутин согласился на все... и сам устранил все затруднения».

Феликс опять лукавит. Прийти с черного хода предложил конечно же он сам, разъяснив мужика шекотливость ситуации. И Распутин согласился. Он полагал, что агенты, охранявшие дом, все равно заметят их при выходе со двора и отправятся за ними. А если что случится у Феликса, можно будет убежать, как он бежал с вечеринки у Беллинг, и агенты его прикроют.

Мужик не знал, что после 10 часов вечера его не охраняют.

Заканчивались «репетиции» – так назовет Феликс в письме к Ирине подготовку преступления. Местом убийства выбрали дворец Юсуповых. Но он находился напротив полицейского участка, что, как писал Пуришкевич, «исключало стрельбу из револьвера». И потому решили «покончить с Распутиным отравлением».

Вначале думали действовать вчетвером – великий князь, Пуришкевич, поручик Сухотин и Феликс. Но Пуришкевич справедливо заметил, что необходим шофер – вывезти труп. Пятым участником убийства он предложил сделать хорошо известного ему доктора Лазаверта, врача из санитарного поезда, которым руководил сам Пуришкевич.

Убийство наметили на ночь с 16 на 17 декабря. «Так как у Дмитрия Павловича (добавим: весело кутившего Дмитрия Павловича. – Э.Р.) все вечера до 16-го были разобраны... остановились на этом дне». Это очень устраивало Пуришкевича – его санитарный поезд должен был отправляться на фронт 17 декабря.

24 ноября в салон-вагоне Пуришкевича состоялось совещание с участием Феликса и великого князя. Хозяин познакомил их с доктором Лазавертом.

Накануне кадетский лидер Василий Маклаков (тот самый, который произнес речь об ужасе «распутинства» и грядущей революции) через князя Юсупова передал заговорщикам яд – цианистый калий. Яд был в кристалликах и в растворенном виде, в небольшой склянке – им решено было отравить пирожные и вино для Распутина. (Впоследствии Маклаков, стремясь откреститься от участия в убийстве, сообщит, что дал заговорщикам безвредный порошок. Но доктор Лазаверт сумел бы отличить цианистый калий от простого порошка! Нет, Маклаков стал гуманистом много позже. А тогда он очень заботился, чтобы Распутин был убит, и даже дал Феликсу в придачу резиновую гантелю – на случай, если придется добивать мужика. Но сам участвовать не стал, сославшись на отъезд в Москву. Уклонился – все-таки убийство!)

В вагоне заговорщики обговорили окончательный план. Они должны были собираться в полночь – насыпать яд в пирожные и вино. В половине первого Феликс и доктор Лазаверт, переодетый шофером, отправятся за мужиком и привезут его в Юсуповский дворец, но не к главному входу, а во двор, чтобы выходящие из автомобиля были не видны сквозь чугунную решетку. Оттуда через маленькую дверь мужика введут в дом и по узкой винтовой лестнице проводят в подвал, который к 16 декабря должны были переоборудовать в очаровательную столовую в русском стиле. Здесь, в подвале, Феликс объяснит Распутину, что ему придется немного обождать желанного знакомства с Ириной, ибо наверху – неожиданно нагрянувшие гости, которые скоро разойдутся. И угостит мужика отравленными пирожными и отравленным вином...

В это время на лестнице, ведущей в подвал, остальные четверо будут ждать развязки – чтобы (если что-то случится) «ворваться и оказать помощь».

28 ноября Пуришкевич приехал осмотреть место убийства. «С беспокойством я прошел в кабинет Феликса, озирая строй челяди, толпившейся в передней во главе с ливрейным арапом... Феликс успокоил меня, объяснив, что вся прислуга будет отпущена, останутся лишь двое дежурных на главном подъезде».

Подвал, который перестраивали для приема дорогого гостя, «имел растерзанный вид, в нем шел полный ремонт... там проводили электричество». Но помещение показалось Пуришкевичу крайне удобным для задуманного: толстые стены; два окошечка, выходившие во двор, были крайне малы и находились на уровне тротуара. Так что можно было, на худой конец, даже и выстрелить...

Феликс все чаще навещал Юсуповский дворец – руководил меблировкой места убийства. Арка разделяла сводчатый подвал на две части – в одной сделали маленькую столовую, в другой – крошечную гостиную.

«Три вазы китайского фарфора уже украшали ниши в стенах... Из кладовых принесли старинные стулья резного дерева, обитые кожей... драгоценные кубки из слоновой кости... Шкаф времен Екатерины Великой – эбенового дерева, с инкрустацией, с целым лабиринтом маленьких стекол, бронзовых колонок, потайных ящичков. На этом шкафу поставили распятие из горного хрусталя и гравированного серебра итальянской работы XVI века... Большой камин был украшен золочеными чашами, майоликовыми блюдами и скульптурной группой из слоновой кости. На полу расстелили персидский ковер, а перед шкафом – шкуру огромного белого медведя... В середине комнаты поставили стол, за которым Распутин должен был выпить последнюю свою чашку чая», – вспоминал Феликс.

Из комнат князя в подвал шла винтовая лестница, на которую (на полпути между комнатами и подвалом) и выходила *та маленькая дверь во двор*, к которой должны были привезти Распутина.

Утро 29 ноября убийцы провели в хлопотах – осматривали окрестности на автомобиле, искали, где лучше сбросить в прорубь труп. Нашли подходящее, почти неосвещенное место – на Малой Невке.

Когда я читал воспоминания Юсупова и Пуришкевича о подготовке убийства, многие детали показались мне хорошо знакомыми. И как перед убийством заботливо искали, куда вывезти труп (важно было хорошо спрятать тело), и как обсуждали, где убивать, и выбрали подвал, чтобы не слышно было выстрелов... Да и сам подвал, маленький, разделенный надвое, с окошками на уровне тротуара... Все оказалось таким похожим на подготовку убийства Царской Семьи – в очень похожем подвале дома Ипатьева.

В ночь с 16 на 17 декабря убьют Распутина. В ночь с 16 на 17 июля (по новому стилю) погибнет Царская Семья.

Так что убийство любимого «царями» мужика было будто репетицией убийства Семьи. И Юсуповская ночь – репетицией Ипатьевской ночи.

«Не тащи меня в Петроград...»

Итак, в ночь на 17 декабря 1916 года Распутину предстояло попросту исчезнуть. Феликс должен был вывезти его из дома в то время, когда там все уже спали, а охрана ушла. И Распутин обещал никому не говорить, куда он отправляется той ночью. А на случай, если бы он проболтался, убийцы, как вспоминал Феликс, придумали следующее: «Так как Распутин часто кутил в ресторане «Вилла Родэ»... то поручик Сухотин после убийства позвонит в ресторан... и спросит: «В каком кабинете Распутин?» И дождавшись отрицательного ответа, скажет: «Ага, так его еще нет? Значит, сейчас приедет...» И заговорщики смогут сказать, что мужик действительно был в Юсуповском дворце, но уехал оттуда в «Виллу Родэ». И власти услышат от администрации ресторана, что Распутин намеревался к ним приехать. Ну, а если исчез по дороге, то это вина какого-то очередного подозрительного собутыльника...

А не поверят – пусть попробуют доказать. Заговорщики заранее решили до конца отрицать убийство.

Но перед самым покушением им нанесли удар. И какой! И – кто!

«Верный человек» привез из Крыма письмо Ирины: «3 декабря, Кореиз... Я знаю, что если приеду, непременно заболею... Ты не знаешь, что со мной. Все время хочется плакать... Настроение ужасное, никогда не было такого... Я не хотела всего этого писать, чтобы тебя

не беспокоить. Но я больше не могу! Сама не знаю, что со мной делается. *Не тащи меня в Петроград... Приезжай сюда сам...* Я больше не могу, не знаю, что со мной. Кажется, неврастения... Не сердись на меня, пожалуйста, не сердись... Я ужасно как тебя люблю... Храни тебя Господь...»

Эта была странная истерика. Какой-то ужас охватил Ирину – видимо, она тоже верила в мужика-дьявола. Она понимала, какой удар наносит Феликсу, но ничего не смогла поделать с собой. Ирина не просто отказалась приехать – она умоляла мужа отказаться от задуманного: «Приезжай сюда сам...»

Накануне убийства жена Феликса лишила заговорщиков едва ли не главного – «приманки»...

И пришлось им придумать целое театральное представление...

План решили не менять и объявить Распутину, что Ирина приехала в Петроград. И действовать, как и прежде задумано: привезти мужика во дворец к Феликсу на встречу с Ириной, сообщить, что вечеринка немного затянулась. И попросить его подождать в очаровательной столовой в подвале (там должен был стоять накрытый стол – будто общество, вспугнутое приходом Распутина, в спешке покинуло столовую и заканчивает веселье наверху). И инсценировать эту вечеринку – звуками граммофона, шумом и голосами «гостей». И пока Распутин будет ждать, Феликс отравит его внизу вином и пирожными...

Итак, все было готово. Оставалось только ждать 16 декабря.

«Царство воли и мощи»

В дни последних «репетиций» заговорщиков Николай собирался покинуть Царское Село. Его очередной кратковременный приезд домой закончился. 2 декабря, за два дня до отъезда, царь в последний раз встретился с Распутиным. И простился с ним...

Накануне Распутин видел очередной сон, который обещал успех и благополучие. Видение «Божьего человека», случившееся, как всегда, вовремя, обрадовало Аликс. Она чувствовала упадок духа у Ники и, чтобы поддержать его, разрешила взять с собой мальчика. 4 декабря царь и наследник уехали в Ставку.

В поезде Николая уже ждало ее письмо, в котором можно найти следы каких-то очень серьезно готовившихся решений.

«4 декабря 1916... Еще немного терпенья и глубочайшей веры в молитвы и помощь Нашего Друга, и все пойдет хорошо! Я глубоко убеждена, что близятся великие и прекрасные дни твоего царствования и существования России. Только сохрани бодрость духа... Покажи всем, что ты *властелин*... *Миновало время великой снисходительности и мягкости, теперь наступает твое царство воли и мощи!*.. Их следует научить повиновению... ты их избаловал своей добротой и всепрощением... Дела начинают налаживаться – сон Нашего Друга так знаменателен! Милый, помолись у иконы Могилевской Божьей матери... ты там обретишь мир и крепость... Пусть народ видит, что ты – царь-христианин...»

Заговорщики готовились к убийству, а Распутин был ровен и радостен. Он, видимо, тоже ждал неких серьезных решений царя, заранее обговоренных в «царскосельском кабинете». Скоро, скоро не будет Думы и всех этих злых говорунов!

6 декабря Аликс написала Ники: «Мы провели вчерашний вечер уютно и мирно в маленьком доме. Милая «большая Лили» (Ден. – Э.Р.) тоже пришла туда попозднее, а также Муня Головина. Он был в хорошем, веселом настроении. Видно, что Он все время думает о тебе и что все теперь хорошо пойдет... Будь властелином, слушайся твоей стойкой женоушки и Нашего Друга».

«Устами младенца...»

Феликс, смирившись с решением Ирины, отправил ей письмо. Теперь он просил ее только о телеграмме: «8 декабря 1916... Я выезжаю 16 или 17... Какое будет счастье опять быть вместе! Ты не знаешь, как я тебя люблю... *Репетиции идут благополучно*... Пришли 16-го телеграмму, что заболела и просишь меня приехать в Крым, это необходимо...»

Как и Пуришкевич, Феликс решил уехать из столицы тотчас после убийства. И ему нужна была телеграмма о болезни жены, чтобы отъезд не выглядел бегством.

Но нервность Ирины не проходила. Да и не могла пройти – она понимала, что «репетиции» скоро закончатся кровавой премьерой. Она по-прежнему сходилась с ума, боялась встречи Феликса с опасным мужиком, которому подвластны потусторонние силы. И нервность эта закончилась настоящей болезнью.

«9 декабря. Дорогой Феликс... получил ли ты мой бред?... Не думай, что я все это выдумала, такое было настроение последние дни... Сегодня утром температура нормальная, но я все-таки лежу. Почему-то ужасно похудела... Прости меня за мое последнее письмо, оно ужасно неприятное... Хотела приберечь все это для твоего приезда, но оказалось, что не могу, надо было вылить душу... С Бэби (маленькая дочь Ирины и Феликса. – Э.Р.) что-то невероятное. Недавно ночью она не очень хорошо спала и все время повторяла: «Война, няня, война!» На другой день спрашивают: «Война или мир?» И Бэби отвечает: «Война!»... Через день говорю: «Скажи – мир». И она прямо на меня смотрит и отвечает: «Война!» Это очень странно... Целую тебя и ужасно жду».

Война, кровь и гибель. «Устами младенца...»

«А ты, красавица, тяжкий крест примешь...»

Свое благодатное состояние Распутин поддерживал вином. Он хотел забыть о смерти... Теперь он был постоянно пьян.

Из показаний Марии Головиной: «В последнее время он сильно пил, и это возбуждало во мне к нему жалость. Пьянство не отразилось на его умственных способностях. Он говорил еще более интересно...»

Теперь несчастному Протопопову приходилось приезжать к нему во время попоек. Так Распутин проверял покорность министра – и это было для Протопопова невыносимо.

Из показаний Головиной: «В разговоре со мной Протопопов жаловался, что он очень устал, что ему тяжело, что ему только Бог поможет... и он уйдет куда-нибудь в скит, и как ему это хотелось бы, но он не может этого сделать из любви к «ним» – как я поняла, к Государю и Государыне... Если разобраться, то, конечно, было странно, что министр внутренних дел ведет такие разговоры со мною, но в то время было так много странностей!»

Но когда его звали в Царское, Распутин по-прежнему преображался. Комиссаров показывал в «Том Деле»: «В этот день не пил... шел в баню, ставил свечку... он всегда это делал, когда ездил лично к царю... Потом весь день готовился. Затем дорогой концентрировался и сосредотачивал волю».

Даже когда его привезли к «царям» после веселой закладки Аниной церкви, мужик, как отметит царица в письме, был трезв.

11 декабря царица была в Новгороде вместе с великими княжнами и конечно же с Подругой. В древнем Софийском соборе они отстояли литургию, а в Десятинном монастыре посетили пророчицу. «Она лежала в маленькой темной комнате в абсолютной темноте... и

поэтому мы захватили свечку, чтобы можно было разглядеть друг друга... Ей 107 лет, она носит вериги», – писала Аликс мужу.

В колеблющемся свете свечи царица разглядела «молодые лучистые глаза». И старица, жившая еще при Николае I, заговорила из темноты. Она несколько раз повторила Государыне всея Руси: «А ты, красавица, тяжкий крест примешь... не страшись...»

Так закончилось последнее путешествие Государыни. В следующий раз Аликс уедет из Царского Села уже низложенной ссыльной.

Из Новгорода они с Подругой привезли маленькую иконку – подарок «Нашему Другу». Ту самую, которая окажется потом в его гробу.

Последние дни

13 декабря Юсупов позвонил Пуришкевичу и сказал: «Ваня приехал». Так он подтвердил: все готово к 16 декабря...

А Распутин продолжал пребывать в самом благостном настроении. Все складывалось как нельзя лучше – по приказу «мамы» было прекращено дело Манасевича-Мануйлова.

В 1917 году в Чрезвычайной комиссии Манасевич будет достаточно откровенен: «Распутин сказал мне: «Дело твое нельзя рассматривать, начнется страшный шум...» И он сказал царице, чтобы она написала сама министру юстиции Макарову... Он боялся газетной кампании... боялся, что всплывет его имя... Распутин мне сразу позвонил: «Сейчас мне из дворца звонили... у мамы есть телеграмма от мужа о том, что делу не бывать...»

Действительно, все так и было – с точностью до слова. 10 декабря Аликс написала Ники: «На деле Мануйлова прошу тебя написать «прекратить дело» и переслать его министру юстиции... Иначе... могут снова подняться весьма неприятные разговоры... Пожалуй-ста, сейчас же, не откладывая, отошли дело Макарову, иначе будет поздно...»

И через несколько дней Манасевич был на свободе. Любимый «секретарь» Распутина вновь появился в квартире на Гороховой. Появился он и в клубе, играл по крупному. Проехался по Петрограду, понюхал – все ли спокойно? И, видимо, был удовлетворен, ибо Распутин, опасавшийся дотоле ходить по улицам, решился даже прогуляться по городу.

За день до убийства Аликс написала мужу: «Очень благодарю тебя (также от имени Гр<игория>) за Мануйлова... Наш Друг... уже давным-давно не выходит из дому, ходит только сюда. Но вчера Он гулял по улицам с Муней к Казанскому собору и Исаакиевскому... ни одного неприятного взгляда, все спокойно. Он говорит, что через 3 или 4 дня дела в Румынии поправятся, и все пойдет лучше... Пожалуйста, скажи Трепову: *Дума должна быть распущена до начала февраля*... поверь совету Нашего Друга. Даже дети замечают, что дела идут плохо, если мы Его не слушаем, и, наоборот, хорошо, если слушаем».

Так в последний раз «Наш Друг» посоветовал царице то, чего она сама так хотела! И в ночь на 16 февраля царь подписал указ о перерыве в работе Думы до 19 февраля.

Наступил последний день в жизни Распутина. Он умер, не увидев своей победы.

Убийство

Последний вечер

16 декабря – самый обычный день Распутина. Сначала на квартире появилась трогательная Муня: «Я приехала к 12 и пробыла до 10 вечера... он был возбужден и сказал: «Сегодня я поеду», но не сказал, куда».

Правда, Бадмаев в «Том Деле» показал другое: «Головина призналась в своем горе. Она знала еще накануне, что Распутин намеревался... кутить и ужинать у князя Юсупова».

Появилась и Вырубова. Впоследствии Белецкий показал, что Аня приехала на Гороховую в 8 вечера и Распутин ей сказал, что должен уехать с Юсуповым «исцелять его жену».

Вырубова не знала, что Ирины нет в Петрограде, и посоветовала «Нашему Другу» отказаться от этого приглашения. Она сказала, что это унижительно для него – ездить по ночам к тем, кто стыдится принимать его открыто – в дневное время. И он дал ей обещание не ехать...

Итак, пообещав Феликсу держать поездку в тайне, хитрый мужик на всякий случай рассказал всем близким, куда он собирается. Он был уверен, что, как обычно, за ним увяжутся агенты (не знал, что ночью его охрана уходит). Так что хотя Распутин и «вполне доверял» Феликсу, но кое-какие меры предосторожности все-таки принял...

Муня Головина уехала в десять, и тут же появилась некая дама – из тех мимолетных, бывавших в «комнатке с диваном» и тотчас исчезающих. Как показала потом швейцарша: «У него с 10 вечера была дама лет 25 до 11 часов». То же подтвердила и племянница Анна, гостившая в те дни у Распутина: «Часам к 10 вечера пришла полная блондинка, которую звали «сестра Мария», хотя она вовсе и не сестра милосердия». Но в каком-то смысле она была именно «сестрой милосердия», ибо помогла Распутину снять напряжение, которое, видимо, против воли охватило его, и «утонить нервы» перед ночью, которая столько ему обещала...

Около одиннадцати вернулись его дочери. На следующий день им обоим пришлось давать показания следователю. Варвара ничего не знала: «Мы с Матреной ходили в гости, спать легли в 11, и я не видела, как и куда и с кем он уехал. Отец мне ничего не говорил, что в эту ночь он куда-то собирается уйти». Но старшая, Матрена, показала: «Когда я вернулась и уходила спать, *отец мне сказал, что едет в гости к Маленькому...*»

И наконец около полуночи приехал Протопопов. «В ночь убийства Распутина я заехал к нему... около 12, проводив на поезд... Воскобойникову (потому что знал: в это время нет агентов, дежуривших у квартиры. – Э.Р.)... Я... пробыл у него 10 минут... видел только его одного, он сам отворил мне дверь. О намерении ехать куда-то ночью мне не сказал». Видимо, Распутин, поджидавший Юсупова, поспешил свернуть разговор с министром.

Шел первый час ночи на 17 декабря. Распутин стал одеваться. Его служанка показала: «Он надел голубую рубашку, вышитую васильками... но не мог застегнуть ворот, и я ему пуговицы застегнула». Он продолжал волноваться...

Одетый, он лег на кровать и стал ждать Феликса. Дочери уже спали, но племянница Анна и служанка Катя еще не легли. Анна и рассказала следователю: «В начале первого часу ночи дядя лег на кровать, не раздеваясь, на недоуменные вопросы мои и Печеркиной ответил: «Сегодня я пойду... в гости к Маленькому... Маленьким дядя называл Юсупова».

Потом Анна пошла спать в комнату к дочерям Распутина, а Печеркина ушла на кухню и там легла за перегородкой для прислуги. Подозрительные сборы хозяина, очевидно, возбуждали ее любопытство – она не спала, ждала, кто же придет за ним...

Наконец «с черного хода раздался звонок». Отодвинув занавеску, закрывавшую ее кровать, она увидела Распутина и его гостя. Это был «Маленький» – князь Феликс Юсупов.

Хроника утра

В 8 часов утра племянница Распутина позвонила Муне Головиной и сказала, что дядя уехал ночью с «Маленьким» и не возвратился домой.

Незадолго до этого Протопопов разбудил звонок. Градоначальник Балк весьма взволнованно сообщил министру, что городской, стоявший на набережной Мойки, слышал выстрелы во дворце Юсупова, после чего был позван в дом, и находившийся там член Государственной Думы Пуришкевич сказал ему, что Распутина убили... Протопопов соединился с квартирой на Гороховой и узнал: Распутин дома не ночевал и до сих пор не вернулся.

Часам к одиннадцати на Гороховую приехала Мария Головина. Она сказала дочерям, что звонила князю Юсупову, но «там еще все спят». Впоследствии Муня показала, что была в то время спокойна, ибо «Распутин при мне просил князя свозить его к цыганам и оттого, узнав, что он с ним уехал, я не обеспокоилась».

Наконец около полудня Феликс сам позвонил Муне, и она успокоила дочерей – передала им слова князя о том, что он вовсе не видел их отца. Каков же был ее ужас, когда служанка Катя поклялась, что это ложь, что Феликс ночью заехал за Распутиным и она сама его видела в квартире...

Головина немедленно позвонила Вырубовой в Царское Село.

Из показаний фельдшера Жука: «Часов в 12 дня позвонили по телефону и сообщили, что Распутин вышел из дома и не вернулся. Вырубова немедленно сообщила об этом во дворец, и началось большое волнение... непрерывные переговоры с Петроградом».

В то же время Протопопов непрерывно связывался с Царским Селом. Он сообщил императрице и Вырубовой сведения о событиях в Юсуповском дворце, полученные от городского. Тогда же Протопопов вызвал жандармского генерала Попова, вручил ему приказ за номером 573 – «произвести следствие по делу об исчезновении Григория Ефимова Распутина». Следствие должно было начаться немедленно и проходить в абсолютной тайне.

С утра на квартире Распутина начали появляться посетители, очень интересовавшиеся бумагами исчезнувшего хозяина.

Из протокола допроса Манасевича в Чрезвычайной комиссии: «– Вы были у Распутина на квартире в ночь, когда он исчез?

– Был утром... я приехал... там был переполох, приехал Симанович с епископом Исидором и рассказал, что были у пристава части, где все произошло.

– Вы его бумаги разбирали?

– Не касались. (Манасевич, естественно, не мог ответить иначе. – Э.Р.)

– Протопопов при вас посетил квартиру Распутина?

– При мне не было...»

Из протокола допроса Протопопова:

«– Есть молва, что сразу после убийства вы пришли к нему на квартиру?

– Никогда... ведь там была полиция...»

Но министр внутренних дел, учитывая связи Распутина и с ним, и с «царями», просто обязан был прибыть туда раньше полиции, раньше всех, в том числе и Манасевича, — как только узнал об исчезновении Распутина. Так что после всех этих внимательных гостей никаких важных документов в квартире остаться уже не могло.

Между тем события развивались. В два часа дня генерал Попов получил извещение, что на Большом Петровском мосту на Малой Невке имеются следы крови, а под мостом найден ботинок коричневого цвета. В три часа ботинок был предъявлен дочерям Распутина, и они «признали его принадлежащим отцу».

«Я не хочу верить, что его убили...»

Предполагаемая смерть фаворита переполошила все высшее общество. Великие князья, послы, министры, двор — все горячо обсуждали слухи о гибели полуграмотного мужика из сибирского села.

Из дневника великого князя Николая Михайловича: «17 декабря в 5.30 — 2 телефонных звонка, один от княгини Трубецкой, другой от английского посла Бьюкенена... мне сообщили, что прошлой ночью убит Григорий Распутин. Такое неожиданное известие ошеломило меня, и я помчался в автомобиле в дом брата Александра на Мойку, чтобы узнать в чем дело... Прислуга сообщила, что Феликс вернется поздно...»

Видимо, Николаю Михайловичу сообщили не только об убийстве, но и о том, что Феликс, живший тогда у Александра Михайловича, подозревается в преступлении. Не застав Юсупова дома, великий князь отправился обедать в мятежный «Яхт-Клуб». В тот день клуб был переполнен, множество экипажей и авто дежурили у входа.

Аристократический муравейник гудел... «Все только и говорили об исчезновении Гришки... Под конец обеда явился бледный как смерть Дмитрий Павлович, с которым я не разговаривал, так он сел за другой стол... Трепов доказывал во всеуслышание, что все это ерунда... Между тем Дмитрий Павлович заявил другим, что *Распутин, по его мнению, или исчез, или убит*... Мы сели за карты, а Дмитрий Павлович уехал во французский Михайловский театр». Так что нужную информацию получили все. И все откуда-то уже знали, что Дмитрий — причастен...

В тот день Вырубова по требованию Аликс переселилась во дворец.

Из показаний фельдшера Жука: «Вырубова переехала ночевать во дворец по приказанию царицы. Опасались, что ее могут тоже убить, так как она... стала получать угрожающие письма еще за год до убийства Распутина... Особенно... опасались молодых великих князей... Мне было приказано никого из великих князей не принимать... В квартире Вырубой были переделаны внутренние ставни».

Аликс подозревала, что это только начало расправы «романовской молодежи» над «нашими». Днем 17 декабря она написала мужу: «Мы сидим все вместе... ты можешь себе представить наши чувства — Наш Друг исчез. Вчера А<ня> *видела Его, и Он ей сказал, что Феликс просил Его приехать к нему ночью, что за Ним заедет автомобиль, чтоб Он мог повидать Ирину*... Сегодня ночью был огромный скандал в Юсуповском доме... большое собрание, Дмитрий, Пуришкевич и т. д. — все пьяные. Полиция слышала выстрелы. Пуришкевич выбежал, крича полиции, что Наш Друг убит. Полиция приступила к розыску... Феликс намеревался сегодня ночью выехать в Крым, я попросила Калинина (Протопопова. — Э.Р.) его задержать... Феликс утверждает, будто он... никогда не звал Его. Это, по-видимому, была западня. Я все еще полагаюсь на Божье милосердие, что Его только увезли куда-то...

Я не могу и не хочу верить, что Его убили. Да смилуется над нами Бог!.. Такая отчаянная тревога... Приезжай немедленно – никто не посмеет ее (Аню. – Э.Р.) тронуть или что-либо ей сделать, когда ты будешь здесь... Феликс последнее время часто ездил к Нему...

В тот день она послала Ники еще и телеграмму: «Мы еще надеемся на Божье милосердие. Замешаны Феликс и Дмитрий».

Уже вечером об этом знало все Царское Село.

Из воспоминаний Ольги, жены великого князя Павла Александровича, мачехи Дмитрия: «17 декабря в субботу вечером в Царском давали концерт... Около восьми часов раздался телефонный звонок. Мгновение спустя Владимир (ее сын от первого брака. – Э.Р.) вбежал в мою комнату: «Старцу конец. Мне только что позвонили. Господи, теперь мы вздохнем свободнее. Подробности еще неизвестны. В любом случае, он исчез 24 часа назад. Быть может, мы что-нибудь узнаем на концерте»... Никогда не забыть мне того вечера. Никто не слушал ни оркестр, ни артистов... Во время антракта я заметила, что взгляды, устремленные на нас, были особенно пристальны. Но тогда я еще не догадывалась почему...» Наконец кто-то из знакомых сообщил ей: «Кажется, исполнители этого дела – из высшей аристократии. Называют Феликса Юсупова, Пуришкевича и великого князя...» У меня остановилось сердце. К концу вечера имя Дмитрия было у всех на устах».

«Дело об исчезновении крестьянина Распутина»

Наступило утро 18 декабря, но Распутина не нашли. Генерал Попов и его подчиненный полковник Попель второй день вели непрерывные допросы. Среди допрошенных были двое городских, стоявших в ту ночь недалеко от Юсуповского дворца, обе дочери Распутина, служанка Печеркина, племянница Распутина и Мария Головина.

18 декабря Феликса Юсупова пригласили дать показания по «делу об исчезновении крестьянина Распутина». Допрашивал князя сам министр юстиции Макаров. Эти показания особенно интересны, ибо даны по горячим следам – на следующий день после убийства...

Но 19 декабря, на третий день следствия, вдруг последовало распоряжение министра внутренних дел о немедленном прекращении дела. Все протоколы допросов Протопопов тотчас забрал к себе.

В 1928 году в Париже умер Васильев – последний директор департамента полиции. Он оставил рукопись о царской охранке, которая вскоре была издана. В ней автор процитировал (с ошибками) некоторые документы из «дела о Распутине». Из этой книги документы (вместе с ошибками) попадут во множество книг о Распутине...

Между тем оказалось, что само дело... было опубликовано! Его напечатал сразу же после Февральской революции журнал «Былое» – в ряду самых сенсационных документов павшего режима.

Показания в «деле о Распутине» мы и будем сравнивать с версией об убийстве Распутина, созданной его убийцами Пуришкевичем и Юсуповым и ставшей общепризнанной. Материалы из этого дела помогут нам восстановить *истинную картину загадочной Юсуповской ночи*.

Рассказывают полицейские

48-летний Степан Власюк, дежуривший в ночь на 17 декабря на набережной Мойки, сообщил: «Около 3 часов ночи я услышал 3–4 быстро следовавших друг за другом выстрела...»

Власюк направился к городовому Ефимову, дежурившему поблизости. На вопрос, где стреляли, Ефимов указал на Юсуповский дворец. Власюк тотчас пошел туда, встретил дворника Юсуповых, но тот сказал, что выстрелов не слышал. «В это время я увидел, что по двору дома идут в направлении калитки два человека в кителях и без фуражек, в которых я узнал князя Юсупова и его дворецкого Бужинского. Последнего я спросил: «Кто стрелял?» Он ответил, что никаких выстрелов не слышал». Власюк, успокоившись, вернулся на пост. «О происшедшем я никому не заявил, потому что приходилось слышать такие звуки от лопающихся автомобильных шин... Но через 15–20 минут ко мне подошел Бужинский и сказал, что меня требует князь Юсупов... Едва я переступил порог кабинета, ко мне подошел навстречу князь Юсупов и неизвестный мне человек, одетый в китель защитного цвета... с русой бородкой и усами». И далее Власюк изложил удивительный разговор:

«Этот человек спросил меня:

– Про Пуришкевича слышал?

– Слышал...

– Я и есть Пуришкевич... А про Распутина слышал?... Вот он, Распутин, и погиб... И если ты любишь Россию-матушку, ты должен об этом молчать...

– Слушаюсь.

– Теперь можешь идти...

Минут через 20 ко мне пришел околоточный надзиратель Калядин, и я ему все рассказал».

Второй городской, 59-летний Флор Ефимов, дежуривший напротив Юсуповского дворца, был старым, опытным полицейским. Он сообщил: «В 2.30 ночи я услышал выстрел, через 3–4 секунды последовали еще 3–4 выстрела... *быстро, один за другим, звуки выстрелов...* После первого выстрела *раздался негромкий, как бы женский крик...*»

На вопрос следователя об автомобиле, приехавшем или отъезжавшем от дворца после услышанных им выстрелов, Ефимов ответил: «*В течение 20–30 минут не проезжал по Мойке никакой автомобиль или извозчик... только спустя полчаса... проехал какой-то автомобиль, который нигде не останавливался.*»

Итак, запомним: оба полицейских, дежуривших неподалеку от дворца, дают одинаковые показания о трех или четырех выстрелах в Юсуповском доме. При этом находившийся ближе городской Ефимов слышал «негромкий, как бы женский крик». И еще одна важная деталь: никакой автомобиль сразу же после выстрелов к дому не подъезжал. Но был автомобиль, проехавший через полчаса после выстрелов.

Не заметил приехавшего после выстрелов автомобиля и Власюк.

Таковыми показаниями уже обладало следствие к тому моменту, когда министр юстиции Макаров начал допрашивать Феликса Феликсовича, князя Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон.

«Собаку убил именно он...»

Рассказав Макарову историю своего знакомства с Распутиным, Юсупов перешел к недавним событиям:

«Я отделявал... помещение в своем доме на Мойке... и великий князь Дмитрий Павлович предложил мне устроить вечеринку по случаю новоселья. Решено было пригласить на нее Владимира Митрофановича Пуришкевича и нескольких офицеров и дам из общества... она и была назначена на 16 декабря... По вполне понятным причинам я не хочу называть фамилии офицеров и дам, это может повредить им и возбудить ложные слухи... Чтобы не стеснять гостей, я приказал прислуге все приготовить для чая и ужина... а потом не входить.

Большинство гостей должно было приехать не с парадного подъезда... а с бокового входа, ключ от которого я имел лично... Собравшиеся пили чай, танцевали... Около 12.30 позвонил откуда-то Распутин... и приглашал поехать к цыганам, на что последовали шутки и остроты со стороны гостей... На мой вопрос, откуда он говорит, Распутин не хотел сказать... но по телефону слышны были голоса, шум и женский визг...»

Здесь Макаров мог уличить Феликса во лжи сведениями, полученными от домашних Распутина. Но министр не посмел противопоставить показаниям родственника царя показания кухарки и дочерей мужика... И князь продолжал: *«Около 2–2. 30 ночи две дамы пожелали ехать домой и с ними уехал великий князь Дмитрий Павлович...»* Когда они вышли... я услышал выстрелы во дворе. Я вышел во двор и... увидел убитую собаку, лежащую у решетки... Впоследствии... *Его Императорское Высочество сообщил, что собаку убил именно он* (хорошо запомним эту фразу! – Э.Р.)... После этого я позвал с улицы городского, которому сказал: «Если будут спрашивать о выстрелах, скажи, что собаку убил мой приятель...»

Видимо, здесь последовал вопрос Макарова о словах Пуришкевича, сказанных городскому Власюку. Князь отвечал забавно: *«Бывший в кабинете Пуришкевич что-то стал говорить... Что он говорил, я полностью не расслышал...»* Что касается показаний городского, будто Пуришкевич сказал ему в моем кабинете, что убит Распутин, то *Пуришкевич был пьян и не помнил, что говорит...* Я у Распутина ни днем, ни вечером 16-го не был, что могут подтвердить и гости, и прислуга... Какие-то люди глубоко обдумали план убийства и связали его со мной и вечером, происходившим в моем доме».

Арест на вокзале

После допроса, вечером 18 декабря, Феликс собрался выехать поездом в Крым. Но...

Из дневника великого князя Николая Михайловича (запись от 18 декабря): «На другой день, все еще не увидев Юсупова, я узнал, что Феликс и оба племянника уезжают в Крым. Но за день толки не умолкали, и А.Ф. Трепов сообщил мне 18-го по телефону, что, действительно, Распутин вероятно убит и что упорно называют Дмитрием Павловичем, Феликса Юсупова и Пуришкевича как замешанных в этом убийстве... Я вздохнул свободнее и сел безмятежно играть в карты, радуясь, что этот мерзавец не будет больше вредить, но опасаясь, что сведения Трепова неверны... В 9 часов вечера я навестил племянников и простился с ними... Каково было мое удивление, когда в 10 с половиной меня вызвал к телефону Феликс, говоря, что он задержан жандармским офицером на Николаевском вокзале и что он очень просит заехать к нему... Феликс уже лежал в кровати... Я пробыл у него полтора часа, выслушивая его откровения».

Феликс дословно повторил Николаю Михайловичу версию, которую до того излагал Макарову. Но великий князь уже знал слухи...

«Слушал я его повествование молча и сказал ему... что весь его роман не выдерживает никакой критики и что... убийца он».

Наутро весь Петроград гудел: сенсация – князь Юсупов задержан на Николаевском вокзале! Но Феликса не просто задержали – посадили под домашний арест. Таков был приказ царицы, потребовавшей, чтобы следствие выяснило всю правду. Под домашним арестом оказался и великий князь Дмитрий. Правда, их заточение было весьма своеобразным: Феликс на следующий же день переехал к Дмитрию, что давало им возможность выработать общую версию в ожидании вызова к следователю.

Но к следователю их больше не вызовут. Царь любил историю и помнил события, с которых началась Французская революция. Публичное разбирательство «дела об ожерелье королевы», в котором была замешана Мария Антуанетта, стало прологом падения Людовика

XVI. Вот почему 19 декабря, когда труп Распутина всплыл на реке, генералу Попову тотчас повелели прекратить расследование...

В те дни полиция перехватила первые приветственные телеграммы, направленные Дмитрию и Феликсу. Особенно должны были потрясти царя телеграммы от Эллы – кроткая настоятельница полумонашеской обители писала Дмитрию: «18, в 9.30 вечера... Только что вернулась вчера поздно вечером, проведя всю неделю в Сарове и Дивееве, молясь за вас всех дорогих. Прошу дать мне письмом подробности событий. Да укрепит Бог Феликса после патриотического акта, им исполненного».

И еще одну телеграмму она послала в Крым Зинаиде Юсуповой: «Все мои горячие и глубокие молитвы окружают вас всех за патриотический акт вашего дорогого сына». Так что Элла уже 18 декабря, «только что вернувшись» из Дивеева, знала все и об убийстве, и об убийцах. И одобрила «патриотический акт»...

Не знала она лишь подробностей, которые на следующий день рассказал Феликс великому князю Николаю Михайловичу.

Из дневника великого князя Николая Михайловича: «Когда на другой день, 19-го, Феликс переехал на квартиру Дмитрия Павловича, то войдя к ним в комнату я брякнул: «Приветствую вас, *господа убийцы!*...»

И, «видя, что упираться больше не стоит», Феликс начинает свой рассказ...

Рассказывают убийцы

Впоследствии в Париже князь Юсупов издал свои воспоминания об убийстве Распутина в разных редакциях. В них он в основном повторит то, что рассказал в тот вечер Николаю Михайловичу.

И тогда же был записан *другой* рассказ обо всем, что случилось в Юсуповском дворце. Рассказ другого участника убийства...

В отличие от Феликса Пуришкевич сумел выехать из Петрограда почти сразу же после убийства. Сидя в вагоне своего санитарного поезда, шедшего на фронт, Пуришкевич всю ночь с 17 на 18 декабря описывал происшедшее: «Вокруг меня глубокая ночь, полная тишина... плавно качаясь, уносит вдаль мой поезд... я не могу заснуть... события последних сорока восьми часов вихрем проносятся в моей голове... Распутин уже нет, он убит... Судьбе угодно... чтобы он пал от моей руки... Слава Богу, что рука великого князя Дмитрия Павловича не обагрена этой грязной кровью». И поясняет: «*Царственный юноша не должен быть повинным... в деле, связанном с пролитием крови... пусть эта кровь будет и кровью Распутина*».

Запомним: «царственный юноша не должен быть повинным...»

Именно в соответствии с этими двумя источниками – воспоминаниями Юсупова и Пуришкевича – история убийства Распутина будет переходить из книги в книгу. История, которая, по мнению великого князя Николая Михайловича «так напоминает... средневековое убийство в Италии». Или точнее – модный (и тогда, и теперь) триллер, где люди-герои убивают ужасного демона.

Еще Троцкий, явно ощутив привкус бульварной беллетристики, назовет эту историю «безвкусной». Да, сходство ее с литературой определенного пошиба весьма настораживает... И чем больше вчитываешься в эту историю, тем более она кажется подозрительной.

Однако сначала предоставим слово двум убийцам.

Пуришкевич: «Постараюсь с фотографической точностью изложить весь ход происшедшей драмы, имеющей историческое значение. В ту ночь... погода была мягкая, 2–3 градуса, падал мокроватый снег...»

И в этом «мокроватом снегу» у дворца Юсуповых появился редкий в ту пору военный автомобиль. Он постоял, потом уехал, вновь появился и наконец подъехал к главному входу дворца.

В этом автомобиле находились Пуришкевич и доктор Лазаверт, сидевший за рулем. Они должны были, как условлено, подъехать через двор к боковому входу, чтобы незамеченными войти в дом. Но... ворота во двор оказались закрыты. Пуришкевич понял, что легкомысленный Феликс попросту забыл уговор.

«Сделав пару кругов, пришлось подъехать к главному входу». Оттуда Пуришкевич и Лазаверт прошли в кабинет Юсупова, где уже собрались и остальные – великий князь Дмитрий и поручик Сухотин. Феликс встретил прибывших как ни в чем не бывало. Но им было не до объяснений – все торопливо спустились вниз, где Пуришкевич, восхищенный видом превращенного «в изящнейшую бонбоньерку в стиле древнерусских палат» подвала, и вовсе забыл свой гнев.

Пуришкевич: «Это прелестное помещение было разделено на две части: ближе к камину – этакая миниатюрная столовая... уютно пылал огонь... на камине великолепное распятие слоновой кости, и под окном столик с бутылками – херес, портвейн, мадера и марсала... Задняя часть помещения представляла будуар со шкурой белого медведя... и диванчиком, перед которым эта шкура лежала».

Они сели в столовой, и Юсупов предложил отведать приготовленные для Распутина пирожные, прежде чем начинить их ядом. Пирожные были под стать столовой – «крохотные птифуры... розовые и коричневые, подобранные в гамме с цветом стен». Пили чай и нервно «ждали половины двенадцатого, когда шпики покидают квартиру Распутина» и пустеют улицы столицы...

Закончив чаепитие, «постарались придать вид, что тут было целое общество, вспугнутое приходом неожиданного гостя» – в чашки налили немного чаю, разбросали на столе помятые салфетки. Доктор Лазаверт, надев перчатки, стал начинять кристаллами цианистого калия пирожные *с розовым кремом* (шоколадные оставили для Феликса). Лазаверт «густо насыпал яд внутрь пирожных» и, закончив свою страшную работу, бросил перчатки в камин, «задымивший так, что пришлось проветривать комнату». Потом доктор надел шоферскую форму, а Феликс набросил на плечи шубу и «натянул до ушей меховую шапку, совершенно скрывавшую лицо».

Вскоре оставшиеся в доме услышали шум отъехавшего автомобиля.

Они подъехали к дому на Гороховой. На следствии дворник показал: «К запертым воротам дома после полуночи подъехал мотор... Незнакомый мужчина, выйдя из мотора, прямо направился в калитку. На вопрос, к кому он идет, он ответил: «К Распутину»... Он был без бороды... с черными усами... одет в длинной оленьей дохе... и на голове у него черная шапка». Дворник показал ему парадный вход, но незнакомый направился к черному ходу. «По всему было видно, что этот человек хорошо знает расположение дома».

Юсупов: «Я поднялся по черной лестнице... она не была освещена, я поднимался на ощупь и с большим трудом нашел дверь квартиры «старца».

Цепь звякнула, запор заскрипел, дверь отворилась, и Феликс вошел на кухню.

«Было темно, и мне показалось, что кто-то следит за мной из соседней комнаты. Я инстинктивно надвинул шапку на глаза».

Феликс не ошибся – когда он шел на кухню, за ним из-за своей занавески наблюдала Катя Печеркина. Впоследствии она показала: «Когда оба прошли мимо меня по кухне в комнаты... я увидела, что пришел Маленький».

Юсупов: «Мы вошли с ним в спальню, освещенную только лампадой, горевшей перед образами. Распутин зажег свечу. Я заметил, что кровать была смята, возможно, он только что отдыхал... Около постели приготовлена была его шуба и бобровая шапка... Распутин был одет в... шелковую рубашку, вышитую васильками, и подпоясан толстым малиновым шнуром с двумя большими кистями. Черные бархатные шаровары и высокие сапоги... Бесконечная жалость к этому человеку вдруг овладела мной. Мне было стыдно грязных способов чудовищной лжи, к которой я прибегнул. В тот момент я презирал самого себя, я спрашивал себя... как мог я задумать такое подлое преступление... Я с ужасом смотрел на свою жертву, доверившуюся мне...»

Но Распутин так и не почувствовал его смятенного состояния. И оттого Феликс задает себе вопросы, которые хочется задать и нам: «Как же его ясновиденье? Чему послужил его дар предвиденья, если он не видит ловушки, расставленной для него?.. Но мои угрызения совести уступили место твердой решимости выполнить свое дело... Мы вышли на темную лестничную клетку, и Распутин запер за собой дверь. Я почувствовал его пальцы, грубо схватившие мою руку... «Я тебя лучше проведу», – сказал он, ведя меня по темной лестнице».

Так они спустились – рука в руке. И даже держа князя за руку, Распутин опять ничего не почувствовал. Этот интуитивный человек абсолютно доверял Феликсу... Они сели в машину и отправились в Юсуповский дворец.

Тем временем, как рассказывает Пуришкевич, во дворце «проверили граммофон», который должен был помочь создать видимость продолжающейся вечеринки, и «заялись склянкой с цианистым калием в растворе» – наполнили ядом две (отмеченные Феликсом) рюмки из четырех. Потом «ждали, молча расхаживая, говорить не хотелось». Пуришкевич «вынул свой тяжелый револьвер «соваж», отдавливает карман» (оружие, которое, по его словам, сыграет главную роль в трагедии), и положил его на стол в кабинете Юсупова...

Наконец они услышали шум въехавшей во двор машины. Поручик Сухотин включил граммофон, и раздался американский марш «Янки-дудль» (эту музыку Пуришкевич не забудет до смерти!). И все услышали голос вошедшего Распутина:

– Куды, милый?

Юсупов: «Войдя в дом, я услышал, голоса моих друзей... весело звучала в граммофоне американская песенка... Распутин прислушался:

– Что это, кутеж?

– Нет, у жены гости... *они скоро уедут*. А пока пойдемте в столовую выпьем чаю».

И Распутин с Феликсом спустились по лестнице в подвал, «превращенный в прелестную столовую».

Доктор Лазаверт, скинув шоферскую одежду, присоединился к остальным убийцам. Они вышли из комнаты и встали у перил лестницы, ведущей в подвал. И стали ждать скорой развязки... «Я с кастетом в руках, за мной великий князь, за ним поручик Сухотин и последним Лазаверт», – вспоминал Пуришкевич. Так они стояли, «вслушиваясь в каждый шорох внизу», но слышали только гул голосов и марш «Янки-дудль», доносившийся сверху. А главное – не было слышно, как откупоривают бутылки. Внизу разговаривали, «но не пили и не ели ничего».

Юсупов: «Распутин снял шубу и стал с любопытством изучать обстановку... Шкаф с лабиринтом особенно привлек его внимание... Восхищаясь им, как ребенок... он открывал,

закрывал... изучал снаружи и изнутри... Я предложил ему вина и чаю... к моему большому разочарованию он отказался... «Случилось что-нибудь?» – подумал я... Мы сели за стол и разговорились, перебрали наших общих знакомых... Исчерпав темы, Распутин попросил чаю... я предложил ему тарелку с пирожными... Почему-то я предложил пирожные, которые не были отравлены... Спустя мгновение я передал ему блюдо с отравленными пирожными. Он *сначала отказался*: «Не хочу, они очень сладкие...»

И этот момент запомним: Распутин отказался есть пирожные, потому что они «очень сладкие».

Но затем, как утверждает Феликс, «взял сначала одно, потом и другое... Я смотрел на него с ужасом». Однако между отказом и согласием Распутина произошло нечто, не отмеченное Юсуповым, но описанное Пуришкевичем.

После того как Распутин отказался есть пирожные, Феликс, оказывается, запаниковал и поднялся наверх. Четверо заговорщиков, стоявших у лестницы, услышали звук открываемой двери подвала и «на цыпочках бесшумно бросились обратно, в кабинет Юсупова... Вошел Юсупов... и сказал: «Представляете себе, господа, это животное не ест и не пьет».

– А как его настроение? – спросил Пуришкевич.

– Неважное... он как будто что-то предчувствует...

Феликс вновь спускается к Распутину. И тут мужик *почему-то меняет решение и начинает пить вино и есть сладкие пирожные*. Это тоже стоит запомнить...

Пуришкевич: «Вскоре раздался звук откупориваемых бутылок. «Пьют, – прошептал великий князь. – Ну, теперь ждать недолго...» Но прошло полчаса – и ничего!»

«Действие цианистого калия должно было начаться немедленно, – вспоминал Юсупов, – но Распутин... продолжал со мной разговаривать как ни в чем не бывало». Феликс налил вторую рюмку, мужик и ее выпил, а «яд не проявлял своей силы». Князь налил третью и «с отчаяния начал пить сам», чтобы заставить Распутина выпить и ее. «Мы сидели друг перед другом и молча пили... Он смотрел на меня, *глаза его лукаво улыбались*: вот видишь, как ты ни стараешься, а ничего не можешь со мной поделать... Но вдруг... на смену хитро-слащавой улыбке явилось выражение ненависти. Никогда я не видел его таким страшным. Он смотрел на меня *дьявольскими глазами*... меня охватило какое-то странное оцепенение, голова закружилась... Очнувшись, я увидел Распутина, сидящего на диване, голова была опущена, глаз не было видно... «Налей чашку, жажда сильная», – сказал он слабым голосом... Пока я наливал чашку, он встал и прошелся по комнате... В глаза ему бросилась гитара, случайно забытая мною в столовой... «Сыграй, голубчик, что-нибудь веселенькое... люблю, когда ты поешь...»

И Феликс взял гитару... «Когда я кончил петь, он... посмотрел на меня *грустным спокойным взглядом*... «Спой еще, больно я люблю эту музыку... много души в тебе». Я снова запел... А время шло, часы показывали половину третьего... *Больше двух часов* длился этот кошмар...»

И здесь возникают законные вопросы. Первый: выходит, что за восторгами по поводу пения Феликса Распутин совершенно забыл, зачем он пришел? Забыл об Ирине?! «Несколько друзей», которые, как ему обещали, «скоро уедут», сидят наверху уже «больше двух часов» – и он с этим мирится? Второй вопрос: неужели за это время Распутин не почувствовал ничего особенного в поведении чувствительного, нервного и, как мы увидим далее, очень впечатлительного Феликса? Неужели за два с лишним часа Юсупов, отнюдь не профессиональный убийца, так и не выдал ничем своего волнения? Совершенно невероятно! И третий вопрос – который будет волновать всех и станет основой для легенды о сверхчеловеческих возможностях Распутина: *почему его не брал яд?*

Однако оставим пока эти вопросы без ответа. Пусть убийцы продолжают свое повествование...

Итак, Феликс видит, что яд не действует на мужика. Это, естественно, изумляет и пугает князя. «Наверху тоже, по-видимому, иссякло терпение... Шум, доносившийся сверху, становился все сильнее...»

– Что там шумят? – спрашивает Распутин.

– Вероятно, гости разъезжаются... пойду посмотреть...

Пуришкевич: «Поднимается бледный Юсупов... «Это невозможно! Он выпил две рюмки с ядом, съел несколько розовых (отравленных. – Э.Р.) пирожных... и ничего... Ума не приложу, как нам быть, тем более, что *он уже забеспокоился, почему графиня не выходит к нему так долго* («уже забеспокоился» – после двух с лишним часов ожидания! – Э.Р.). Я с трудом объяснил, что ей трудно исчезнуть незаметно... ибо наверху гостей немного и по всем вероятностям минут через 10 она уже сойдет... Он сидит мрачный... действие яда сказывается лишь в том, что у него беспрестанная отрыжка и некоторое слюнотечение... Господа, что вы посоветуете мне?»

И «господа» решают: если через пять минут яд не подействует, Феликс должен... снова подняться к ним, и они подумают, как покончить с мужиком.

Лазаверту стало дурно. Военный врач, не раз бывавший на фронте под пулями, в изнеможении, весь красный, сидел в кресле и шептал: «Кажется, я не выдержу...»

И опять поднялся к ним Юсупов и сообщил, что яд по-прежнему не действует! И сам предложил: «Вы не будете против, если я его застрелю?»

Юсупов: «*Я взял у Дмитрия револьвер* (и это запомним! – Э.Р.) и спустился в подвал... Как он не заметил своими прозорливыми глазами, что за спиной у меня был зажат в руке револьвер!...»

Да, и мы здесь недоумеваем вместе с Феликсом. И ему, и нам непонятно, что Распутин, который все всегда чуял и предвидел, «далек сейчас от сознания собственной смерти». Он даже не видит неестественно отведенную назад руку Феликса, держащую револьвер.

И тут описываемая Феликсом сцена окончательно начинает напоминать эпизод из романа о благородном мстителе.

«Я подошел к хрустальному распытию.

– Крест этот очень люблю...

– А по мне, так ящик-то занятнее будет, – и Распутин снова открыл шкаф с лабиринтом.

– Григорий Ефимович, вы бы лучше на распытие посмотрели, да помолились бы перед ним...

Распутин *удивленно, почти испуганно, посмотрел на меня*... Можно сказать, что он прочел в моих глазах что-то, чего не ожидал...

Дальше, по словам Юсупова, начинается уже совсем невероятное: Распутин, который вскоре будет яростно бороться за жизнь, ведет себя необъяснимо покорно, как сомнамбула. Он терпеливо ждет, пока его убьют!

«Я медленным движением поднял револьвер... Распутин стоял передо мной, не шелохнувшись... с глазами, устремленными на распытие... Я... выстрелил... Распутин заревел диким, звериным голосом и грузно повалился навзничь на медвежью шкуру...»

Пуришкевич: «И уже через несколько минут, после двух отрывистых фраз – звук выстрела... вслед за тем продолжительное: «А-а-а...» и звук грузно падающего на пол тела».

Заговорщики тотчас кубарем скатились вниз, но при входе в подвал зацепили шнур, и выключилось электричество. Но нашли, нащупали, включили свет и увидели...

«Перед диваном лежал умирающий Распутин, над ним с револьвером – спокойный Юсупов... «Надо его снять поскорее с ковра... чего доброго, просочится кровь и замазает шкуру», – заговорил великий князь».

И Феликс с Пуришкевичем перенесли мужика на пол.

Пуришкевич: «Я стоял над Распутиным... *он не был еще мертв*, он дышал, агонизировал... Правой рукой он прикрывал оба глаза и до половины нос – длинный, ноздреватый... и тело подергивала судорога».

Юсупов: «Сомнений не было... *Распутин был убит*... Мы погасили свет и, закрыв на ключ дверь столовой, поднялись в кабинет... Настроение у всех было повышенное».

И опять начинается малопонятное. Согласно воспоминаниям и Пуришкевича, и Феликса, великий князь Дмитрий вместе с доктором отправляются на автомобиле в санитарный поезд Пуришкевича – сжигать шубу и боты Распутина. Но впоследствии окажется, что... ни шуба, ни боты сожжены не были! И Пуришкевич объяснит это удивительно: его жена, которая в страхе ждала, чем все закончится, оказалась вдруг ленивой и капризной. И так как «шуба в печь не влезала, она сочла невозможным заняться распариванием и сжиганием по кускам. У нее даже столкновение вышло с Дмитрием»... Короче – жена Пуришкевича, посвященная в заговор, отказалась выполнить поручение мужа и как мальчишку отослала великого князя назад вместе с шубой и ботами... Если учесть, что Пуришкевич был по натуре тираном, то поведение его жены весьма странно.

А в отсутствие великого князя во дворце происходят удивительные события. Феликс чувствует «неодолимое желание посмотреть на Распутина» и спускается в подвал.

Юсупов: «У стола, на том месте, где мы его оставили, лежал убитый Распутин... Тело было неподвижно, но прикоснувшись... я убедился, что оно еще теплое. Тогда, наклонившись, я стал нащупывать пульс, биения его не почувствовал... Из раны мелкими каплями сочилась кровь... Не зная, зачем, я вдруг схватил его и встряхнул... тело... упало на прежнее место... Постояв над ним некоторое время, я уже хотел уходить, но мое внимание было привлечено легким дрожанием века в левом глазу... Лицо... конвульсивно вздрагивало... все сильнее и сильнее... Вдруг его левый глаз начал приоткрываться... задрожало правое веко и... оба глаза... с выражением дьявольской злобы впились в меня...»

И тут начинается обычная сцена из триллеров всех времен и народов – «дьявол оживает»...

«Случилось невероятное. Неистовым, резким движением... Распутин вскочил на ноги... *Изо рта у него шла пена. Он был ужасен*. Комната огласилась *диким ревом*, и я увидел, как мелькнули сведенные судорогой пальцы. Вот они, *как раскаленное железо*, впились в мое плечо и старались схватить за горло... Оживший Распутин хриплым шепотом повторял мое имя... Обуявший меня ужас не сравним ни с чем... Я пытался вырваться, но железные тиски держали с невероятной силой... В этом отравленном и прострелянном трупe, *поднятым темными силами для отмщения своей гибели*, было до того *страшное, чудовищное*... я рванулся и последним невероятным усилием вырвался. Распутин, хрипя, повалился на спину, держа в руке мой погон, оборванный им... Я бросился наверх, к Пуришкевичу... «Скорее... револьвер! Стреляйте, он жив!»... Распутин на четвереньках карабкался по ступенькам лестницы».

А в это время Пуришкевич, закулив, «медленно прохаживался в кабинете наверху». И вдруг «*какая-то внутренняя сила*» подтолкнула его к столу, где лежал его «соваж», и заставила положить револьвер в карман брюк. Потом опять-таки «*под давлением неведомой силы*» он выходит на лестницу. И там слышит «нечеловеческий крик Феликса: «Пуришкевич, стреляйте! Стреляйте! Он жив! Он убегает!» И видит Юсупова. «На нем буквально не было лица, прекрасные... глаза лезли из орбит... в полубессознательном состоянии... не видя почти

меня, с обезумевшим взглядом... кинулся на половину своих родителей... До меня стали доноситься чьи-то... грузные шаги, пробиравшиеся к выходной двери».

Выхватив «соваж», Пуришкевич бегом бросается вниз по лестнице. «Григорий Распутин... которого я полчаса назад созерцал при последнем издыхании... переваливаясь с боку на бок, быстро бежал по рыхлому снегу во дворе дворца вдоль решетки».

Пуришкевич «не мог поверить своим глазам», но тут он услышал громкий крик Распутина на бегу: «Феликс, Феликс... все скажу царице!» И он «бросился за ним вдогонку и выстрелил... в ночной тишине раздался чрезвычайно громкий звук».

И – промах! «Распутин поддал ходу». Пуришкевич «вторично выстрелил на бегу и опять промахнулся». Распутин уже подбегал к воротам. Тогда Пуришкевич «укусил себя за кисть руки... чтобы заставить себя сосредоточиться», и третьим выстрелом «попал ему в спину... он остановился». Четвертым выстрелом «попал ему в голову... и он снопом упал... в снег и задергал головой».

Распутин вытянутыми руками скреб снег. И подбежавший Пуришкевич с яростью «ударил его ногой в висок»...

Но при этом Пуришкевич почему-то не слышит и не видит, как в ночной тишине его окликает выбежавший во двор Феликс.

Юсупов: «Два выстрела прогремели... Выскочив на парадную лестницу, я побежал вдоль Мойки, чтобы встретить Распутина в случае промаха Пуришкевича... *я сам был безоружен, потому что отдал револьвер великому князю*... Всех ворот (ведущих из двора. – Э.Р.) было трое, и лишь средние не заперты. Через решетку я увидел, что именно к этим влекло Распутина звериное чутье... Раздался третий выстрел... потом четвертый... Я увидел, как Распутин покачнулся и упал у снежного сугроба... Пуришкевич подбежал к нему и остановился возле тела... Я его окликнул, но он не слышал...»

Пуришкевич проходит через дом на главный подъезд и сообщает солдатам, что убил «Гришку, врага России и царя». Услышав их радостное одобрение, он велит немедленно оттащить труп от решетки. А Феликс со двора видит, «как от ворот к тому месту, где находился труп, направлялся городской... Городового я задержал на пути. Разговаривая с ним, я нарочно повернулся лицом к сугробу, так что городской вынужден был стоять спиной к тому месту, где лежал Распутин».

– Ваше сиятельство, тут были выстрелы... Не случилось ли чего?

– Ничего серьезного... у меня сегодня была вечеринка... один из моих товарищей, выпив лишнее, стал стрелять.

И городской ушел».

Но осталось иное описание случившегося. И принадлежит оно... тому самому городскому Власюку, с которым разговаривал Феликс. Прочитируем еще раз его показания: «Я увидел, что по двору этого дома идут в направлении калитки два человека в кителях и без фуражек, в которых я узнал князя Юсупова и его дворецкого Бужинского. Последнего я спросил, кто стрелял. Он ответил, что никаких выстрелов не слышал... кажется и князь сказал, что не слышал». И Власюк ушел.

По словам Феликса, после его беседы с городским Распутина втаскивают в дом два солдата и кладут на нижнюю площадку лестницы, около подвала, где мужик недавно пировал с князем.

Юсупов: «Из многочисленных ран его обильно текла кровь. Верхняя люстра бросала свет на голову, и было видно до мельчайших подробностей его изуродованное ударами и кровоподтеками лицо».

Все-таки Феликса и Распутина, видимо, связывало нечто патологическое, болезненное... «Меня непреодолимо влекло к этому окровавленному трупу... я уже не в силах был бороться

с собой... Злоба и ярость душили меня. Какое-то необъяснимое состояние овладело мной. Я ринулся на труп, начал избивать его резиновой палкой (гантелей, подаренной Маклаковым. – Э.Р.). В бешенстве и остервенении я бил, куда попало. Все Божеские и человеческие законы... были попорчены...»

Пуришкевич приказал солдатам оттащить Феликса. И его, «сплошь забрызганного кровью... усадили... на диван в кабинете... на него страшно было смотреть... с блуждающим взглядом, с подергивающимся лицом, бессмысленно повторявший: «Феликс... Феликс...» Пуришкевич никогда не сможет забыть, как князь колотил мужика двухфунтовой гантелей...

Но самое поразительное – Распутин еще был жив! «Он хрипел, у него закатывался зрачок правого глаза и глядел на меня бессмысленно и ужасно... этот глаз я до сих пор вижу перед собой».

Пуришкевич велел спеленать труп, и побыстрее... Но, видимо, Бужинский рассказал ему о приходе городского, спрашивавшего про стрельбу. Боясь, что тот доложит своему начальству, Пуришкевич приказал позвать городского.

Власюк вновь пришел. И состоялся разговор, в общих чертах описанный одинаково всеми – Пуришкевичем, Власюком и Юсуповым. Приведем версию Пуришкевича:

«– Ответь мне по совести: ты любишь батюшку-царя и мать-Россию? Ты хочешь победы русскому оружию над немцем?

– Так точно, ваше превосходительство!

– А знаешь ли ты, кто злейший враг царя и России, кто мешает нам воевать, кто нам сажает разных Штюмеров и всяких немцев в правители, кто царицу в руки забрал и через нее расправляется с Россией?

– Так точно... знаю... Гришка Распутин.

– Ну, братец, его уже нет, мы убили его и стреляли сейчас по нему. Можешь ли сказать, если спросят: знать не знаю и ведать не ведаю? Сумеешь ли ты... молчать?»

Но городской отвечает опасно: «Так что если спросят меня не под присягой, то ничего не скажу... а коли на присягу поведут, тут делать нечего – раскрою всю правду, грех соврать будет»... И Власюк снова уходит – чтобы тотчас доложить начальству весь разговор с Пуришкевичем.

Все было кончено – труп, завернутый в сукно и туго перетянутый веревкой, лежал в столовой. В это время во дворец (как отмечают оба – и Феликс, и Пуришкевич) после своей странной и безуспешной поездки вернулся великий князь Дмитрий Павлович – уже на своем автомобиле.

И начались сборы в дорогу – нужно было вывозить труп. Приближался рассвет, так что все торопились. Феликса решили не брать, «передали его в руки слуг с просьбой помочь ему... обмыться, переодеться».

Ехали еще во мгле. Освещение было скудное, дорога «скверная... и тело подпрыгивало, несмотря на солдата, сидевшего на нем. Наконец, показался мост, с которого должны были сбросить в прорубь тело Распутина... и Дмитрий Павлович, сидевший за шофера, замедлил ход и остановился у перил... На одно мгновение осветили сторожевую будку на той стороне моста... Мотор продолжал стучать...»

Все как при будущем расстреле Царской Семьи – много крови, тайный вывоз трупов и тот же звук работающего мотора... Четверо – солдат, поручик Сухотин, Лазаверт и Пуришкевич – «раскачав труп Распутина, с силой бросили его в прорубь, забыв привязать к трупу цепями гири». При этом, пишет Пуришкевич, великий князь Дмитрий Павлович стоял перед машиной «настороже» – рука «царственного юноши» не должна дотрагиваться до преступного тела...

Двинулись в обратный путь. «По дороге автомобиль все время останавливался, мотор давал перебои, и тогда доктор Лазаверт соскакивал и возился с одной из свечек... Последняя починка была перед Петропавловской крепостью».

В 1919 году в этой крепости будет расстрелян отец Дмитрия Павловича...

Наконец подъехали ко дворцу великой княгини Елизаветы Федоровны, где жил тогда Дмитрий (сама великая княгиня, как мы помним, прямо перед убийством Распутина уехала молиться в Саровский монастырь). Сухотин, Лазаверт и Пуришкевич, взяв извозчика (более надежного, чем автомобиль великого князя), поехали на Варшавский вокзал, где стоял санитарный поезд Пуришкевича. Был шестой час утра. Вскоре Пуришкевич послал Маклакову в Москву телеграмму: «Когда приезжаете?», означавшую – «Распутин убит».

Неприятности начались уже 17 декабря. В пять часов дня к Пуришкевичу приехал поручик Сухотин и передал просьбу великого князя: немедленно приехать к нему. Во дворце депутата встретили Феликс и Дмитрий, оба «нервничали, пили коньяк и черный кофе... чашку за чашкой». Они сообщили, что «Александра Федоровна уже осведомлена об исчезновении и даже смерти Распутина и называет нас виновниками убийства... «Я, – сказал Юсупов, – из-за этого гада должен был пристрелить одну из лучших собак и уложить ее на том месте, где снег окрасился кровью». Это на случай, если во дворе найдут следы крови...

Феликс и Дмитрий сочинили послание императрице. Оно было написано от лица князя Юсупова, который заверял Алику, что к смерти Распутина никакого отношения он не имеет: «Я не нахожу слов, Ваше Величество, чтобы сказать Вам, как я потрясен всем случившемся... и до какой степени мне кажутся дикими обвинения, которые на меня возводятся...»

Написав эту ложь, они «почувствовали себя неловко друг перед другом». Но надо было продолжать. И, видимо, тогда же они выработали версию убийства для общества – на случай, если все-таки придется признаться, хотя обещали друг другу молчать о случившемся пока возможно (как впоследствии обещали друг другу молчать убийцы Царской Семьи). И... тут же нарушили клятву (как Юровский и его товарищи).

В 8 часов вечера поезд Пуришкевича благополучно отбыл из Петрограда. И всю ночь депутат описывал убийство – «для истории». Юсупов сделает то же, но уже в эмиграции – в нескольких сочинениях...

В 1997 году живущая в Париже дочь генерала Деникина, историк Марина Грей, передала мне несколько вырезок, которые нашла в архиве своей матери. Это были интервью великого князя Дмитрия по поводу выхода книги Феликса Юсупова. В интервью газете «Матэн» 19 июля 1928 года Дмитрий сказал: «Убийство было совершено нами в припадке патриотического безумия... Мы обязались никогда не рассказывать об этом событии... Юсупов поступил совершенно неправильно, опубликовав книгу. Я сделал все возможное, чтобы удержать его от этого намерения, но не имел успеха. Это обстоятельство прекратило нашу дружбу, вот уже пять лет как мы не встречаемся». Другая вырезка – из русской газеты, издававшейся в Париже: «Ни один человек, не исключая моей семьи, не слышал от меня о событиях той страшной ночи... *Та самая сила, которая толкнула меня на преступление, мешает и мешала мне поднять занавес над этим делом.*

Великому князю противно было придерживаться лжи, о которой заговорщики, видимо, договорились. Лжи, которой свято придерживались в своих воспоминаниях и Пуришкевич, и Юсупов.

Ибо, на наш взгляд, все изложенное ими – всего лишь выдумка, беллетристика. Но выдумка эта имела совершенно определенную цель...

Правда о «кошмарной ночи»

«Маланья тоже участвует...»

Выдумки в воспоминаниях убийц Распутина начинаются, как мы помним, с самого начала. Из благородных соображений Пуришкевич решил скрыть Ирину Юсупову под именем графини Н. (не годится племяннице царя быть приманкой для мужика!). Но этим благородные соображения не ограничились...

Как утверждают и Пуришкевич, и Юсупов, среди собравшихся в ночь убийства в Юсуповском дворце не было женщин. Между тем их там попросту *не могло не быть!* После того как Ирина отказалась участвовать, надо было инсценировать ее присутствие в доме (что и было осуществлено – и весьма убедительно). Чтобы создать впечатление вечеринки, на которой Ирина веселится с гостями, продумали все: от граммофона до оставленных «вспугнутыми» гостями пирожных. Так неужели забыли о самом главном – о женском голосе, который должен был доноситься сверху?! Неужели не догадались пригласить женщину, которая должна была играть роль Ирины?

А ведь женский голос должен был быть... Потому что «отдаленные голоса сверху» были слышны. Феликс писал: «Войдя в дом (с Распутиным. – Э.Р.), я *услышал голоса моих друзей*». И далее, когда они уже сидят в подвале: «Шум, доносившийся сверху, становился все сильнее... «Что там шумят?» – спрашивает Распутин...»

Но ведь «прислушивавшийся» Распутин неминуемо должен был что-то заподозрить, если в этом шуме голосов не было *женского голоса*. Однако он ничего не заподозрил. За эти два с лишним часа не заподозрил! Это возможно только в одном случае – если он слышал женский голос сверху.

Конечно, заговорщики не могли не позаботиться об участии женщин. Недаром Феликс написал Ирине во время подготовки убийства: «Маланья тоже участвует...» Недаром у полиции оказались сведения об участии дам. И в Царском Селе были эти сведения. И в обществе говорили о том же. И актриса Вера Леонидовна Юренева рассказывала мне о некоей балерине – любовнице великого князя Дмитрия Павловича.

В делах департамента полиции без труда нашел я имя этой балерины – в нескольких сообщениях называлась «Вера Коралли, артистка балетной труппы императорских театров, 27 лет... Во время проживания в столице ее посещал великий князь Дмитрий Павлович». Прима Большого театра, танцевавшая в знаменитых «русских сезонах» в Париже, звезда немого кино, она, как писал современник, «притягивала роковой красотой».

Коралли приехала в Петроград накануне убийства Распутина. О том, что она была в Юсуповском дворце в ночь убийства, заявил Симанович, пришедший с епископом Исидором 17 декабря в полицейское отделение на Мойке. Но после проверки агенты охраны сообщили: «Не было замечено ее отсутствие (в гостинице. – Э.Р.) в ночь с 16 на 17 декабря».

«Не было замечено отсутствие»... Но для того и проводились хитроумные «репетиции». Подменить Коралли другой дамой в гостинице в ночь убийства и устроить ей алиби – дело нехитрое...

Но она, видимо, была не единственной дамой во дворце в Юсуповскую ночь. В Царском Селе знали и об участии другой – и куда поважнее... Вырубова прямо ее называет: Марианна, урожденная Пистолькорс, по мужу Дерфелден, дочь от первого брака Ольги Пистолькорс, жены великого князя Павла, сестра Александра Пистолькорса. Но если ее брат и его жена были яркими почитателями Распутина, то Марианна приняла сторону Дмитрия.

Она ненавидела мужика за то, что безвольный Александр был ему рабски предан; за позор его жены, о связи которой с Распутиным в обществе ходили самые стыдные слухи...

Улики против Марианны были столь серьезны, что ее (падчерицу великого князя!) арестовали. Но во что превратился этот арест! Ее мать вспоминала: «Приехав на Театральную площадь, где жила Марианна, мы были остановлены двумя солдатами, которые нас пропустили, предварительно записав имена. У Марианны находился весь высший свет! Какие-то дамы, которых она едва знала, приехали, чтобы выразить ей свое сочувствие. Офицеры подходили к ручке...» И вскоре Марианну отпустили, «заявив, что подозрения не подтвердились».

Дело об убийстве уже «спускали на тормозах». Царю, естественно, не нужны были демонстрации любви к участникам преступления. Кроме того, великий князь Павел тяжело переживал участие сына в убийстве. И Николай не пожелал добивать больного дядю Павла арестом родственницы.

Ее звали Марианна... Скорее всего, ее ироничные друзья насмешливо переименовали ее французское имя в простонародное, крестьянское – «Маланья».

Итак, женщины в Юсуповском дворце были. Но, спасая их честь и, возможно, свободу, мужчины не выдали их полиции.

А были ли отравленные пирожные?

Благородные соображения и дальше диктовали Пуришкевичу и Юсупову, как излагать происшедшее. И здесь мы переходим к самому интересному и загадочному: что же на самом деле произошло между Феликсом и Распутиным в очаровательной подвальной столовой?

Прежде всего поговорим об отравлении.

Из показаний Белецкого: «Протопопов передавал мне, что *тело Распутина было брошено в полынью еще живым*. Это показало вскрытие...»

Итак, его отравили, а он остался в живых. Потом в него всадили несколько пуль, а он все жил. История дьявола?.. И Феликс всячески подчеркивает это: «дьявольская злоба», «из рта у него шла пена», «поднятый темными силами» – такие выражения мы не раз встретим в его воспоминаниях.

Но великий князь Николай Михайлович, этот «вольтерьянец», не слишком верящий в демонов, запишет в своем дневнике: «То, что цианистый калий не подействовал, я объясняю просто... раствор был слишком слабый». Возможно, он прав: доктор Лазаверт (которому, как мы помним, стало дурно во время ожидания кровавой развязки) от волнения мог налить слабый раствор в бокалы с вином.

Но ведь он еще «настругал яд в пирожные» – и достаточно, чтобы убить быка! Выходит, Распутин был действительно сверхчеловеком? Но когда неопытная Гусева в 1914 году слабой женской рукой пырнула его один раз ножом, он тяжело болел и чуть не умер. И спасти его прислали хирурга из Петрограда...

Так почему же не подействовал яд? Тот же вопрос задает в своих воспоминаниях (вышедших на Западе в конце 70-х годов) дочь «старца» Матрена. И отвечает: потому что никаких отравленных пирожных Распутин есть не мог – у него была специальная диета. Дочь сообщает, что «отец никогда не ел сладостей, мяса и пирожных», и это подтверждают самые разные люди. Симанович пишет, что Распутин не ел сладкого. Об особом рационе Распутина говорят в своих показаниях Белецкий и Хвостов. Со своей «диетой» (обилие рыбы и отсутствие мяса и сладостей), как пояснял Филиппов, Распутин связывал свои способности «чудотворца» и оттого никогда ее не нарушал, даже когда был сильно пьян. Поклонницы дарили ему коробки с конфетами, но он сам их никогда не ел. Вспомним: об этом же расска-

зывал в «Том Деле» Константин Чихачев – председатель Орловского окружного суда: «В его купе лежали коробки с конфетами, которыми он угощал других... но сам не ел... и выразился вульгарно, что он «этой сволочи не ест!»

Кстати, и сам Юсупов пишет о том же: «Спустя мгновение я передал ему блюдо с отравленными пирожными. Он сначала отказался: «Не хочу, они очень сладкие». Но потом, как утверждает Феликс, мужик все-таки их съел. Как же он мог сделать то, чего никогда не делал? С какой стати?

Нет, не мог он есть сладких пирожных – это очередная выдумка. Он только выпил раствор яда в вине, который оказался слишком слабым. Историю про пирожные Феликс придумал потом, составляя версию о дьяволе, которого героически уничтожали обычные люди...

Итак, пирожных Распутин есть не стал. И, видимо, выпил совсем немного. Но что же тогда происходило в комнате, где Распутин провел «больше двух часов», как пишет Юсупов, или даже «около 3 часов», как запишет в дневнике дотошный историк – великий князь Николай Михайлович? И почему он забыл о цели своего приезда? Не лучше ли сказать – *забылся*? Ибо только этим можно объяснить, что нервный, нетерпеливый Распутин сидит два с лишним часа в ожидании Ирины. Вряд ли только пением романсов Феликс мог заставить Распутина забыть о возжеленной цели и главное – совершенно усыпить звериную интуицию этого человека.

Версия эротическая

А может быть, ощущение опасности и будущая кровь... возбудили Феликса – это утонченно-развращенное дитя своего века? И там, в подвале, продолжилось то, что могло быть между ними прежде (и что так тревожило воображение великого князя Николая Михайловича)? Может быть, именно поэтому Распутин готов был покорно и сколь угодно долго ждать прихода Ирины, который сулил ему продолжение захватившего его действия, которым был увлечен и Феликс? И только «когда наверху начали выражать нетерпение», это заставило Феликса действовать?..

Тогда Феликс идет наверх и сообщает своим товарищам, что Распутина не берет яд. Получив револьвер от великого князя, он возвращается в подвал. И Распутин, после всего, что между ними было, не замечает револьвера, зажатого в руке Феликса... Именно поэтому и продолжает спать его интуиция!

Феликс стреляет. Но он не был хладнокровным убийцей, он, видимо, даже не умел хорошо стрелять (что неудивительно, учитывая его неприязнь к воинской службе). Примем также во внимание его волнение... И он всего лишь тяжело ранит Распутина.

Итак, Феликс его не убил. Мужик был попросту без сознания, хотя убийцы и установили у него агонию и остановку пульса. Впрочем, точно так же, по пульсам, царевубийцы констатируют смерть всех членов Царской Семьи в Ипатьевском подвале, после чего вскоре на их глазах... станут оживать великие княжны!

И Распутин так же ожил! Он попросту пришел в сознание и «сорвал погон» с Юсупова. Ибо недостойн офицерских погон Феликс, обманувший его любовью! Вот почему обманутый мужик кричал: «Феликс... Феликс...» – он укорял князя! Вот почему тот не сможет забыть этого крика! Вот почему и случится безобразная сцена – Юсупов вдруг начнет избивать мертвого Распутина гантелями, повторяя при этом: «Феликс... Феликс...» Слова, которыми посмел обличать его – барина! – безродный мужик, сорвавший с него погон...

Версия реалистическая

Но скорее всего, действие развивалось куда более скучно и... правдоподобно. Все свершилось на самом деле очень быстро. Когда Распутин отказался есть пирожные и пить вино, Феликс ушел (будто бы узнать, когда же уйдут гости) и после совещания с товарищами вызвался застрелить мужика. Он вернулся в подвал с револьвером и тотчас выстрелил. Заговорщики сбегали вниз и, решив, что Распутин мертв, снова поднялись наверх – отпраздновать удачное избавление от опасного мужика. Все соображения о яде, который не подействовал на Распутина, были придуманы после для доказательства того, что написал потом Феликс: «Надо помнить, что мы имели дело с *необыкновенным человеком*». С человеком-дьяволом, которого они победили!..

А потом они пили наверху, дожидаясь, когда город окончательно заснет и улицы станут совсем пустыми – чтобы вывезти труп. В это время Распутин пришел в себя и, как когда-то, после удара ножом Гусевой, попытался спастись бегством, но был подстрелен у самых ворот. Кем? Пуришкевичем.

Так утверждают и сам Пуришкевич, и Юсупов. И это – третья и самая большая неправда.

Кто убил?

Как напишет сам Пуришкевич, он, *преследуя тяжело раненного мужика, промахнулся по нему с нескольких шагов*. И это неудивительно – он был человек штатский, гуманитарий по образованию, служивший в хозяйственном департаменте министерства внутренних дел. И в своих воспоминаниях, когда он захочет доказать, что умел хорошо стрелять, ему придется написать, что он «хорошо стрелял в... тире»!

А доказывать необходимо... Ибо после первых беспомощных выстрелов (Пуришкевич объяснял это волнением), следуют два мастерских выстрела. Они сделаны, когда мужик уже находится у самых ворот: один в спину, и второй – прицельно – в голову. И эти два выстрела – иного класса, они будто принадлежат совсем другому стрелку, отличному и хладнокровному...

Кто же из заговорщиков подходит для роли такого стрелка? Прежде всего – великий князь Дмитрий Павлович, блестящий гвардеец, спортсмен, участник Олимпийских игр. «Я взял у Дмитрия револьвер», – пишет Феликс... И недаром Дмитрий пришел с револьвером. Ведь если у кого и были личные основания расправиться с мужиком, то это у него. Это Распутин рассказывал гнусные небылицы про него и про его невесту, позорил Царскую Семью, в которой Дмитрий воспитывался. Это Распутин стал причиной раскола в большой Романовской семье и в семье его отца, угрожал погубить династию...

Недаром великая княжна Ольга, несостоявшаяся жена Дмитрия, записала в дневнике еще до всех расследований: «18 декабря... окончательно узнали, что отец Григорий убит, *должно быть, Дмитрием*».

Недаром Феликс напишет: «Я знал, до какой степени он (Дмитрий. – Э.Р.) ненавидит «старца»...

Но, как утверждают и Юсупов, и Пуришкевич, во время стрельбы во дворе великого князя не было в доме. Он отправился выполнять странное (так и не выполненное) задание – сжигать распутинскую шубу. *И вернулся на автомобиле после убийства Распутина!*

Так утверждают оба. И оба... лгут. Ведь согласно показаниям городских Власюка и Ефимова, которые после выстрелов начинают следить за Юсуповским дворцом, *никакого*

автомобиля, подъехавшего к дому после выстрелов, они не заметили (хотя не заметить на пустой ночной улице столь редкое тогда авто – невозможно). Выходит, великий князь никак не мог вернуться в дом после убийства! И тем не менее он... оказался именно там!

Значит... он из дома не выезжал. Он был там все время. И *в момент убийства Распутина тоже был*. И уехал вместе со всеми только после убийства. И чтобы скрыть его присутствие в доме, Пуришкевичу и Юсупову пришлось потом придумывать нелепую версию, будто Дмитрий уехал сжигать шубу...

Так что же произошло в действительности?

Реконструкция убийства

Следы правды, на наш взгляд, находятся в *первых* показаниях Феликса, данных сразу после убийства. После того как он выстрелил в Распутина из револьвера великого князя, Дмитрий, по словам Феликса, забрал оружие обратно. Оставив «мертвого Распутина» в подвале, они наверху праздновали свой успех, дожидаясь глубокой ночи, когда можно было вывозить труп. Но сначала надо было вывезти из дворца дам. Феликс показал министру юстиции Макарову: «Около 2–2.30 ночи две дамы пожелали ехать домой... и с ними уехал великий князь Дмитрий Павлович».

Видимо, великий князь готовился отвезти «двух дам» (Веру Коралли и Марианну. – Э.Р.) на своем автомобиле, когда Юсупов спустился в подвал, где Распутин «ожил». Обезумевший от страха Феликс бросился наверх с криком: «Он убегает, стреляйте!»

В кабинете наверху был один Пуришкевич, который бросился за Распутиным во двор, дважды выстрелил и промахнулся. Но находившийся уже во дворе с дамами великий князь первым выстрелом остановил бег Распутина и следующим выстрелом уложил его на мокрый снег. *Вот что означала фраза, сказанная Феликсом на допросе: «Его Императорское Высочество сообщил, что собаку убил именно он»!*

И уже упомянутая Марина Грей, с которой я беседовал в Париже, была совершенно уверена: великий князь – убийца Распутина.

Когда выстрел Дмитрия Павловича настиг Распутина, одна из дам в ужасе закричала – это и был тот самый «женский крик», который услышал городской Ефимов. Отъезд дам, естественно, пришлось отложить, а тело Распутина – быстро убрать со двора. Феликс, услышав стрельбу, сумел совладать с собой, позвал Бужинского и вышел с ним во двор. Князь понимал, что выстрелы переполошили городских, что придется объясняться, – и хотел, чтобы это сделал дворецкий.

У дома появился Власюк. Феликсу удалось обмануть городского своим спокойствием, но оно дорого стоило князю: сразу же после ухода Власюка произошла безобразная сцена – избиевание умирающего мужика. И заговорщикам стало казаться, будто городской что-то заподозрил...

Тогда-то, видимо, состоялось совещание убийц (надо, кстати, учесть, что они были пьяны). И Пуришкевичу, думскому депутату, можно сказать – главному среди присутствующих знатоку народных настроений, пришла в голову безумная мысль – сказать всю правду городскому, который, как и весь народ, должен был (по мнению Пуришкевича) ненавидеть Распутина! Это и погубило все дело...

После объяснений с городским они и вывезли еще дышавшего Распутина... Женщины, видимо, покинули дом уже утром.

Зачем же главным заговорщикам понадобилось сочинять историю о том, как Пуришкевич убил Распутина? Не затем ли, чтобы Пуришкевич имел право написать (причем

несколько раз, так что поневоле становится подозрительно) о том, что «руки царственного юноши не запятнаны кровью»? И дело не только в том, что негоже великому князю быть убийцей, – здесь момент политический... Ведь в случае переворота Дмитрий – молодой военный, любимец гвардии, организатор избавления от распутинского позора (но не убийца!) – мог стать реальным претендентом на престол. Убийце мужика это было бы куда труднее... И чтобы великому князю было легче лгать, его связали честным словом, обязали повторять версию Пуришкевича и Юсупова – «крови нет на руках моих».

Эти слова, если принять их буквально, были правдой. Кровь была на руках только тех, кто возился с телом мужика...

На рассвете 19 декабря поезд Пуришкевича был уже далеко от Петрограда. Бессонная ночь заканчивалась, и Пуришкевич писал: «Еще темно, но я чувствую... день уже близок... Я не могу заснуть... я думаю о будущем... того великого края... который зову Родиной».

До революции оставалось чуть больше двух месяцев.

18 декабря Аликс телеграфировала мужу: «Приказала... твоим именем запретить Дмитрию выезжать из дому до твоего возвращения. Дмитрий хотел видеть меня сегодня, я отказала. *Замешан главным образом он.* Тело еще не найдено...»

Царь ответил в тот же день: «Только сейчас прочел твое письмо. Возмущен и потрясен. В молитвах и мыслях вместе с вами. Приеду завтра в 5 часов».

Однако Ольга, жена великого князя Павла Александровича, пишет со слов мужа, вернувшегося из Ставки: «Он пил чай с Государем и был поражен выражением безмятежности и блаженства на его лице. В первый раз за долгое время царь был в приподнятом настроении... Слишком любя свою жену, чтобы идти наперекор ее желаниям, Государь был счастлив, что судьба избавила его от необходимости действовать самому».

И все же впечатлениям Ольги и ее мужа доверять не стоит. Государь умел на людях скрывать свои переживания. «Возмущен и потрясен» – вот его истинное отношение к убийству Распутина. «Извергами» назовет он убийц в своем дневнике...

Встреча с трупом

Ранним утром 19 декабря на Малой Невке у моста был обнаружен всплывший труп. Всплыл он страшно – задранная рубашка примерзла к телу, открывая пулевые раны. На лице кровоподтек – след от удара ногой в висок...

Осталась фотография: только что вынутый из реки труп погружен на салазки. Оледенелые поднятые руки грозят небу и городу... И вокруг – холодное белое пространство...

Вечером 19 декабря вдоль пяти верст Царскосельской дороги вплоть до самой Чесменской богадельни (бывшего путевого дворца Екатерины Великой) прохаживались городовые и филеры. Ближе к ночи во двор богадельни въехали машины с полицейскими чинами, сопровождавшими два тюка, зашитые в рогожу. В тюках лежали обледенелый труп и распутинская шуба.

И только когда труп оттаял, руки грозящие опустились.

В ночь на 20 декабря профессор кафедры судебной медицины Военно-медицинской академии Косоротов произвел вскрытие и бальзамирование тела.

Сердце было вынуто и вложено в специальный сосуд, легкие отделены и заспиртованы.

Легкие покойного представляли, видимо, особый интерес. Как мы уже упоминали, Белецкий (со слов Протопопова) показал в Чрезвычайной комиссии, что Распутин был брошен в полынью живым. Значит, в легких Распутина могла быть вода...

Подлинник протокола вскрытия тела Распутина хранился в архиве Военно-медицинской академии, но в 30-х годах исчез. Остались лишь полицейские снимки обнаженного тела со следами от пуль.

Потом привезли дочерей Распутина. Вместе с ними приехали Акилина Лаптинская и, конечно же, Вырубова. Она принесла последнее покрывало для «Нашего Друга».

Епископ Исидор отслужил заупокойную службу. Затем труп Распутина в цинковом гробу в сопровождении агентов в штатском переправили в Федоровский собор в Царском Селе.

21 декабря состоялись похороны. Распутин был погребен в той самой «Аниной церкви» (недостроенной Серафимовской часовне), на закладке которой он так недавно и так весело пировал.

Тайное погребение

Похороны прошли в тайне и впоследствии (как и тайное захоронение Царской Семьи) обросли слухами и легендами. Но в «Том Деле» осталось сразу несколько описаний очевидцев.

Из показаний фельдшера Жука: «Вырубова сказала, чтобы я пришел к ней с утра в половине девятого... Вырубова поехала на лошадке к новой строившейся ею церкви... Дорогой она сказала мне, что там будут хоронить отца Григория. Об этом я слышал еще днем накануне от архитектора Яковлева, который мне сказал, что место выбрано самой царицей... Когда мы подъехали к этому месту, нашли уже вырытую могилу и в ней гроб. Место в середине храма, в левой крестовине Там мы застали духовника их величеств (Васильева. – Э.Р.), священника из лазарета, архитектора Яковлева, псаломщика, полковника Мальцева... и Лаптинскую... Между Лаптинской и Вырубовой состоялся разговор... Лаптинская говорила, как лежал Распутин, в чем он одет, и что она ночью везла гроб на автомобиле. Вырубова спросила, можно ли открыть гроб. Но Лаптинская и Яковлев сказали, что этого делать нельзя... Минут через 10 после нашего приезда к могиле подошел мотор, на котором приехали царь, царица и дети... Отпевание было закончено. Могилу засыпали землею агенты охраны, которые до этого были расположены в лесу».

Естественно, и вторая ближайшая подруга царицы приехала проводить в последний путь «Нашего Друга». Служанка Вырубовой Феодосия Войно показывает в «Том Деле»: «Ден приехала вместе со мною».

Из показаний Юлии Ден: «Узнав о смерти Распутина, я поехала в Царское, осталась там ночевать и присутствовала при том, как тело Распутина было предано земле... Я прибыла одновременно с царской семьей... Из-за кустов подсматривал полковник Ломан. Гроб так и не открывали... Государь и Государыня были поражены случившимся. Но у Государыни было столько силы воли, что она поддерживала Вырубову, которая много плакала».

Описал похороны и тот, кто «подсматривал из-за кустов».

Из показаний Ломана: «Отпевание собственно было совершено... епископом Исидором. Предание земле совершалось духовником отцом Александром Васильевым и иеромонахом из вырубовского лазарета... Певчих не было... пел причетник Федоровского собора Ищенко... Накануне отец Васильев сообщил мне, что ему отдано распоряжение совершить предание земле Распутина, для чего он приедет из Петрограда... ночевать в Царское Село и утром заедет за причетником и ризами... и чтобы я отдал соответствующее распоряжение. На другой день отец Васильев заехал в Собор, где поджидал его я, и мы вместе поехали к Серафимовскому убежищу... на то место, где должен был быть воздвигнут храм. Не доезжая до самого места, отец Васильев ушел к месту предания земле (гроб стоял уже в яме), а я

оставался в стороне. Так что я не был виден, а мне все было видно... До прибытия царской семьи я подходил к могиле и видел металлический фоб. Никакого отверстия в крышке фоба не было».

То же показывает и Вырубова. И никто из очевидцев не пишет о каком-то отверстии в крышке гроба. Но миф о некоем «окошке», сделанном будто бы по приказанию царицы (чтобы она могла, навещая Распутина в склепе, видеть его лицо), можно найти во множестве мемуаров и сочинений, несмотря на то, что «гроб был засыпан прямо землею и *склеп устраиваемо не было*», – показал Ломан.

Из дневника царя: «21 декабря... В 9 часов поехали к полю, где присутствовали при грустной картине – гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17 декабря *извергами* в доме Юсупова, стоял, уже опущенный в могилу. Отец А. Васильев отслужил литию, после чего мы вернулись домой».

Наказание князей

Ну а далее – царю нужно было что-то делать с родственниками-убийцами... Великий князь Дмитрий просил предать его военно-полевому суду. Он понимал – после суда он станет героем для всей России. К тому же на суде можно было предать гласности сочиненную заговорщиками версию: на руках Дмитрия нет крови мужика. Но царь, видимо, понял замысел, и никакого суда назначено не было...

А пока, в ожидании решения своей судьбы, убийцы мужика жили во дворце под арестом. Но даром времени они не теряли: все это время из дворца «просачивались» подробности убийства, способствовавшие укреплению версии: Дмитрий ни при чем, убивали Юсупов и Пуришкевич... И великая княгиня Елизавета Федоровна писала Ники, прося помиловать Феликса: «Когда я вернулась сюда, я узнала, что Феликс убил его... Он, который не желал быть военным, чтобы не пролить чьей-то крови... я представила, что он должен был пережить, прежде чем решиться на это, представила, как движимый любовью к Отечеству, он решил спасти Государя и страну от того, от кого страдали все... Это преступление может считаться актом патриотизма».

Николай на письмо не ответил.

Наконец последовали меры. Феликс отделался удивительно легко. «Самый главный виновник, Феликс Юсупов, – недоумевала Ольга, мачеха Дмитрия, – отделался ссылкой в деревню... тогда как великий князь Дмитрий получил приказ отбыть в Персию». Его отправили на Кавказский фронт – под пули, в климат, пагубный для его здоровья. Николай версии убийц, видно, не поверил, а поверил секретным донесениям своей полиции. Очевидно, он знал, кто на самом деле застрелил Распутина.

Вся большая Романовская семья была возмущена подобным решением. «Я сама составляла текст прошения, – вспоминала Ольга, – высылка казалась нам пределом жестокости... Прощение было подписано... всеми членами императорской фамилии...»

Николай наложил на него резолюцию: «Никому не дано права заниматься убийством. Знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне». И вчерашний любимец царя Дмитрий отправился в Персию, несмотря на все просьбы...

Сколько Романовых подписало это прошение! И сколько их погибнет... Но Дмитрий, благодаря ссылке, от которой они так просили его избавить, уцелеет.

В Персии Дмитрий не забывал о Юсупове. «Мой дорогой, мой любимый, мой верный друг, – писал он Феликсу. – Я могу сказать без страха впасть в крайности – мой самый дорогой друг!...»

И Феликс честно и верно продолжал придерживаться обговоренной версии. Но в самом начале 1917 года он отправил своей теще – сестре царя Ксении – странное письмо, в котором писал о некоем благородном убийце... но не о себе: «2 января... Меня ужасно мучает мысль, что императрица Мария Федоровна и ты будете считать *того человека, который это сделал*, за убийцу и преступника... Как бы вы не признавали правоту этого поступка и причины, побудившие совершить его, у вас в глубине души будет чувство: а все-таки он убийца... *Зная хорошо все то, что этот человек совершил* до, во время и после, я могу совершенно определенно сказать, что он не убийца, а был только орудием провидения... которое помогло ему исполнить свой долг перед родиной и царем, уничтожив ту злую дьявольскую силу, бывшую позором для России...»

«Покончить и с Александрой Федоровной»

Укрывшись в Царском Селе, царица и Вырубова ждали продолжения кровопролития, дальнейшей мести великих князей. Было ли это пустыми страхами? Ответ – в дневнике великого князя Николая Михайловича.

«Все, что они (убийцы Распутина. – Э.Р.) совершили... *безусловно полумера, так как надо обязательно покончить и с Александрой Федоровной, и с Протопоповым... Вот видите, снова у меня мелькают замыслы убийства, не вполне определенные, но логически необходимые, а иначе может быть хуже, чем было... голова идет кругом...* Графиня Бобринская, Миша Шаховской (князь. – Э.Р.) меня пугают, возбуждают, умоляют действовать, но как? С кем? Ведь одному немислимо!.. Между тем идет время, а с их отъездом... я других исполнителей почти не вижу. Но ей-ей, я не из породы эстетов, и еще менее убийц... надо выбраться на чистый воздух, скорее бы на охоту в леса, а здесь, живя в возбуждении, я натворю и наговорю глупости...»

Итак, «логически необходимо» было убить и Государыню всея Руси. И об этом пишет великий князь, жалея, что «других исполнителей» после высылки убийц Распутина он не видит и не знает, «как и с кем» это осуществить!

Так что мысли о продолжении кровопролития, о новом заговоре бродили в самых высоких головах! И не случайно Николай Михайлович под Новый год был выслан в свое поместье Грушевку – «на чистый воздух». И не зря Аликс умоляла вернуться мужа, не зря она спасала в своем дворце Подругу...

Отправляясь в ссылку, Николай Михайлович встретил в вагоне (что тоже вряд ли случайно) двух видных деятелей думской оппозиции – монархиста Шульгина (который через два с небольшим месяца примет отречение Николая) и фабриканта Терещенко (который станет министром Временного правительства). И записал в дневнике: «Терещенко уверен: через месяц все лопнет, и я вернусь из ссылки. Дай-то Бог!.. Но какая злоба у этих двух людей... оба в один голос *говорят о возможности цареубийства!* Что за времена... что за проклятие обрушилось на Россию!»

Так они размышляли: великий князь – об убийстве царицы, думские лидеры – о возможном убийстве царя... Все это уже носилось в воздухе.

И царя об этом предупредили. 10 февраля, перед отъездом в Ставку, царь принял друга детства и юности – великого князя Александра Михайловича, родного брата Николая Михайловича. И он сказал Ники слова пророческие: «События показывают, что *твои советчики продолжают вести Россию и, следовательно, тебя к неминуемой гибели...*»

Но царь их не услышал.

«Вечно вместе и неразлучны»

22 февраля Николай в последний раз – императором – покинул любимое Царское Село. В поезде его, как всегда, ждало письмо Аликс: «22 февраля 1917... Какое ужасное время мы теперь переживаем... Еще тяжелее его переносить в разлуке – нельзя приласкать тебя, когда ты выглядишь таким усталым и измученным...»

Она по-прежнему жила встречами с «Нашим Другом». Только теперь это были встречи на его могиле... «Что я могу сделать? Только молиться и молиться... Наш дорогой Друг в ином мире тоже молится за тебя, так Он еще ближе к нам... Но все же как хочется услышать Его утешающий и ободряющий голос!.. Да хранят тебя светлые ангелы, Христос да будет с тобой, и Пречистая Дева да не оставит тебя! Наш Друг поручил нас ее знамени...»

Теперь они часто ходили на его могилу – царица, Подруга и великие княжны. И стены строящейся церкви защищали их от чужих глаз...

«26 февраля 1917... Ходили на могилу Нашего Друга. Теперь церковь настолько высока, что я могу стать на колени и молиться там спокойно за всех вас, и дневальный меня не видит... Чувствуй мои руки, обвивающие тебя, мои губы, нежно прижатые к твоим. Вечно вместе и неразлучны...»

А в Петрограде уже начиналась революция – недаром грозил столице мертвый «Наш Друг».

И 2 марта, когда Петроград уже был заполнен бушующими толпами, когда царский дворец уже окружила восставшая солдатня, когда поезд с беспомощным царем уже был заперт на станции Дно, и все командующие фронтами уже потребовали его отречения, и из Думы уже выехали за этим так ненавидимый ею Гучков с Шульгиным, она послала Ники из Царского Села письмо, в котором была важная приписка: «Носи Его крест, если даже и неудобно, ради моего спокойствия...»

Эпилог

Экскурсия на место убийства

В марте 1917 года мир стал другим... Арестованные Ники и Аликс жили в Царском Селе, где «гражданин Романов» добросовестно убирал снег, гулял по парку, читал жене и детям вслух по вечерам и, может быть, впервые был тайно счастлив. Она же изнемогала от унижения, «иссохла и поседела», как напишет впоследствии в письме...

Подругу увезли в Петропавловскую крепость.

Великий князь Николай Михайлович вернулся из ссылки – как и предсказывал ему Терещенко, «все лопнуло». В середине марта он на извозчике (автомобиль «реквизировали») поехал на набережную Мойки – к Юсуповскому дворцу. Историк решил сам поглядеть на место убийства, о котором ему столько рассказал молодой Юсупов...

Феликс и Ирина тоже недавно вернулись из ссылки, и убийца Распутина наслаждался всеобщим вниманием. Николай Михайлович записал в дневнике: «16.3.17...

Ирина и Феликс в восторженном настроении духа... был у них, подробно осмотрел место драмы. *Невероятно, но они спокойно обедают в той же столовой...*»

В конце концов, что особенного случилось: барин пристрелил обнаглевшего мужика. Сколько их запороли насмерть на конюшнях по приказу его предков!

Исчезнувшие деньги и люди

И уже шла охота за богатством «Нашего Друга». Масла в огонь подлил Симанович – Белецкий показал, что «лучший из евреев» поведал ему по секрету: «Средства семье покойный оставил очень хорошие... до 300 000 рублей». И Чрезвычайная комиссия добросовестно искала в банках распутинские деньги.

В «Том Деле» остались бесконечные запросы Комиссии во все крупные банки – Союз провинциальных коммерческих банков, Кавказский банк, Петроградское городское кредитное общество, Русско-Азиатский банк, Московский купеческий банк... Остались и ответы – одни и те же: «Банк имеет честь уведомить Чрезвычайную следственную комиссию, что на имя Григория Ефимовича Распутина-Нового, его жены Прасковьи Федоровны Распутиной-Новой, детей его Варвары, Матрены и Дмитрия Распутиных-Новых и племянницы его Анны Николаевны Распутиной... никаких вкладов и ценностей, а также и безопасных ящиков (абонированных сейфов. – Э.Р.) в банке не имеется».

Так и не нашли распутинского богатства. Потому что... не осталось после него никакого богатства! Права была великая княгиня Ольга, когда написала в своих воспоминаниях: «После него ничего не осталось, и Государыня дала деньги сиротам». А сотни тысяч, проходившие через руки мужика, осели в ресторанах, где кутил он, заглушая страх смерти, в цыганских хорах, у бесконечных просителей (чаще – просительниц), которым он бесцельно давал деньги. Презируемые им деньги... Остались они и в санитарном поезде царицы, и в лазарете Вырубовой. Но главное, как справедливо показывал Филиппов, они прилипли к рукам его «секретарей» – и в первую очередь того же Симановича. И конечно же таинственной женщины – Акилины Лаптинской. Она не только обрядила Распутина в последний путь, но, видимо, и распорядилась остававшимися в доме средствами.

Как только началась Февральская революция, Акилина, знавшая все тайны этого загадочного человека, прошедшая с ним весь путь от молельни под конюшней до дворца «царей», исчезла из Петрограда – растворилась в хаосе новой жизни.

Узнав об отречении, тотчас покинула Царское Село и Воскобойникова. Феодосия Войно показала: «3 марта Воскобойникова исчезла из лазарета и более туда не возвращалась».

Семья Распутина встретила революцию в Петрограде. Прасковья вскоре уедет в Покровское – вступать в права наследства. В архиве сохранится опись жалкого распутинского имущества, произведенная в ее присутствии... Уже после большевистского переворота возвратится в Покровское с войны Дмитрий.

А потом жена, сын и дочь Распутина Варвара будут высланы большевиками в Салехард. Там погибнет сначала Прасковья, потом Дмитрий – от цинги... Варвара вернется в родное село, потом следы ее надолго потеряются и обнаружатся лишь в начале 60-х годов в Ленинграде, где она умрет в неизвестности.

Но старшая и любимая дочь – Матрена – окажется достойной дочерью Распутина. Она тоже сыграет роковую роль в судьбе Царской Семьи...

Жизнь после смерти

Находясь под арестом в Царском Селе, Аликс уже не могла навещать могилу «Нашего Друга». Но теперь он сам навещал ее – во снах.

И один из этих снов был ужасен. Она стояла в Малахитовом зале Зимнего дворца. И он возник у окна. Тело его было в ужасных ранах. «Сжигать вас будут на кострах!» – прокричал он, и в зале полыхнуло огнем. Он поманил ее, она бросилась к нему... Но поздно – весь зал уже был объят пламенем... И Аликс проснулась, захлебываясь криком. Теперь она с ужасом ждала неминуемого.

И дождалась. Капитану Климову, служившему в Царском Селе, удалось обнаружить могилу «Нашего Друга».

Еще в январе, «при старом режиме», Климов обратил внимание на ежедневный караул у Серафимовской часовни и на то, что туда часто приходили царица, Вырубова и великие княжны. Вместе с членом Государственной Думы журналистом Е. Лаганским и своими солдатами он решил поискать гроб Распутина в недостроенной часовне. В Царском Селе ходили слухи, что царица положила в гроб свои драгоценности.

Впоследствии Лаганский описал происходившее. Вход в брошенную строителями «Анину церковь» был заколочен, но по стропилам, по балкам они добрались до отверстия во втором этаже и проникли в часовню. Зажгли лучины – и заработали кирки климовских солдат. Гроб лежал глубоко в земле. Но солдаты, верившие в рассказы о драгоценностях, копали споро.

И вот откинулась крышка, и в тусклом свете они увидели бороду и сложенные крест-накрест руки...

Драгоценностей в гробу не было. Лишь поверх сложенных рук лежал небольшой деревянный образ. На оборотной его стороне химическим карандашом были начертаны собственноручные подписи царицы, дочерей и Подруги.

Сколько насмешек и проклятий было потом в газетах! Положить икону в гроб, да еще к распутнику! Писали о святотатстве!

На самом деле царица никакого отношения к этому не имела. Юлия Ден показала: «Икона с надписями, о которой много писали, была подарена Распутину еще при жизни,

и Лаптинская, которая обмывала и одевала тело Распутина... сама, по своей инициативе положила эту икону в гроб Распутина».

Икону отправили в Петроградский Совет. И журнал «Огонек» тогда же опубликовал ее снимок с описанием: «Лицевая сторона образа – икона «Знамение Божьей Матери». Обратная сторона – собственноручные подписи Александры, Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии, одна под другой. В углу под ними дарственная подпись Вырубовой: «11 декабря 16 года. Новгород. Анна».

Гроб вынесли из часовни, и обезображенное лицо мертвеца, покрытое гримом, глянуло в небо. Столпившиеся солдаты разглядывали торчащую клочковатую бороду и большую шишку на лбу, похожую на зачаток рога... Затем, как положено по революционным временам, у гроба начался митинг. Постановили: удалить труп Распутина из Царского Села.

И тогда, переступив через свое презрение к Керенскому, Аликс попросила его через начальника охраны полковника Кобылинского защитить тело от надругательства, Председатель Временного правительства велел тайно вывезти труп и захоронить.

Так начались... странствия тела! Сначала в товарном вагоне, в огромном ящике (под видом рояля) труп Распутина прибыл в Петроград. Здесь ящик поставили в гараж бывшего придворного ведомства – рядом с царскими свадебными каретами.

Решено было тайно зарыть труп где-нибудь в окрестностях Петрограда. На рассвете 11 марта тело (все в том же ящике из-под рояля) повезли по Старо-Петергофскому шоссе, чтобы закопать в безлюдном месте. Но в районе Лесного машина неожиданно встала, и сопровождающие решили «труп тут же на месте сжечь». Соорудили огромный костер и, облив бензином тело, сожгли.

Сохранился акт: «Мы, нижеподписавшиеся, между 7 и 9 часами совместными усилиями сожгли труп Распутина... Само сожжение имело место около большой дороги из Лесного в Пескаревку при абсолютном отсутствии посторонних, кроме нас, рук своих приложивших...» И внизу подписи уполномоченного Временного комитета Государственной Думы Ф. Купчинского, представителя Петроградского градоначальника ротмистра В. Кочадева и шести студентов Петроградского политехнического института.

По легенде, Распутин и тут не обманул ожиданий присутствующих, веривших в его дьявольскую силу. Под действием огня его труп начал будто приподниматься и только потом исчез в пламени.

Пепел развеяли по ветру. Так Распутин прошел все стихии – воду, землю, огонь и ветер.

Но и после сожжения Распутин не оставил Царскую Семью – все их печальное заточение он продолжал быть рядом.

В Тобольске во главе епархии стоял Гермоген, когда-то сосланный туда «царями» за обличения «Нашего Друга». Власть этого сурового пастыря, его авторитет были еще непрекаемы. Гермоген хотел (и мог!) помочь Семье бежать. Но Аликс так и не смогла забыть: Гермоген – враг Григория. И не доверилась ему...

Зато доверилась другому – Борису Соловьеву, сыну Николая Соловьева, того самого казначея Синода и почитателя Распутина. Этот пройдоха был женат на дочери Распутина Матрене – вполне достаточно для того, чтобы Аликс поверила: его послал «Наш Друг». И она пересылала Соловьеву свои драгоценности, чтобы он организовал их побег... Все осело в карманах у Соловьева. А после прихода к власти большевиков он добросовестно сдавал им несчастных офицеров, приезжавших в город, чтобы организовать освобождение несчастной Семьи.

Так из-за гроба мужик продолжал их губить...

Но царские драгоценности не пойдут Соловьеву впрок – все исчезнет в Гражданскую войну. Полунищий зять Распутина будет работать во Франции на автомобильном заводе и в 1926 году скончается от туберкулеза. Матрена Соловьева-Распутина устроится гувернанткой и с двумя крохотными дочерьми будет жить в небольшой квартирке в Париже. После выхода воспоминаний Юсупова она возбудит громкий судебный процесс против убийцы отца... А потом уроженка сибирского села очутится в Америке, где станет... укротительницей тигров! Умрет она в 1977 году в Лос-Анджелесе.

Благословение на гибель

Кровь и ужасы Гражданской войны казались Аликс Божьим наказанием за гибель «Нашего Друга». И в день его гибели она писала Подруге: «Вместе переживаем опять... Вспоминаю... ужасное 17 число... *и за это тоже страдает Россия, все должны страдать за то, что сделали, но никто не понимает...*»

И другое письмо Ане – от 9 января 1918 года: «Но я твердо верю, что Он все спасет. Он один это может...»

О ком это? О Григории? О Боге? Подчас это было уже непонятно в ее письмах...

А потом бывшие «цари» отправились в последнее путешествие. И всемогущий «Наш Друг» опять оказался рядом. В город их гибели – Екатеринбург – Николая, Александру и дочь Марию повезли... через Покровское!

До сих пор осталась эта дорога из Тобольска в Тюмень, идущая вдоль домов в селе Покровском, мимо его дома...

Мечту, которую не смела осуществить царица, осуществила заключенная – она увидела его реку, его деревья и его дом. Места, где состоялось его таинственное преображение, о котором он столько рассказывал... Аликс записала в дневнике: «Около 12 приехали в Покровское... Постояли долго перед домом Нашего Друга... видели Его родственников, глядящих на нас в окно».

Так через полтора года после своего убийства он проводил и их на мученическую гибель. Исполнилось его предсказание?..

А было ли предсказание?

Симанович в своей брошюре о «старце» привел некий текст, будто бы составленный Распутиным незадолго до смерти, который Симанович якобы тогда же и передал царице. Перепечатанный во многих книгах о Распутине, этот текст считался самым знаменитым его предсказанием: «Русский царь! Я предчувствую, что еще до 1 января (1917 года. – Э.Р.) уйду из жизни. Если меня убьют нанятые убийцы, то тебе, русский царь, некого опасаться. Оставайся на своем троне и царствуй... Если убийство совершат твои родственники, то ни один из твоей семьи (детей и родных) не проживет больше 2 лет... Меня убьют, я уже не в живых... Молись, будь сильным и заботься о своем избранном роде...»

Это «предсказание» не выдерживает никакой критики. В нем нет *ни слова из простонародной, очень поэтической лексики Распутина*. Хотя бы обращение «Русский царь» – так не мог обращаться к царю не только Распутин, но и вообще ни один русский человек. Это язык самого Симановича. «Предсказание», которое (как и множество других подобных «пророчеств») было напечатано уже *после расстрела Царской Семьи*, бесспорно от начала до конца сочинено Симановичем и является одним из мифов, которыми наполнены его воспоминания о Распутине.

Но тем не менее предсказания Распутина о неперенной гибели Царской Семьи в случае его убийства зафиксированы многими свидетелями: Бадмаевым, Филипповым, Матрешей Распутиной... Конечно, эти предсказания в какой-то мере могли быть способом самозащиты для хитрого мужика, который, зная ненависть к нему могущественных врагов, решил таким путем заставить «царей» бдительно себя охранять! Но, повторим, лишь в какой-то мере. Ибо совсем не надо быть пророком, чтобы предсказывать гибель «царей» в то время. Мысли и рассуждения о гибели режима и самой Царской Семьи носились в воздухе. Уже прогремела первая революция 1905 года, и грядущее кровавое падение «царей» пророчили не только революционеры, но даже... граф Витте и епископ Гермоген. О необходимости «спасать себя» твердили «царям» и великие князья, и председатель Государственной Думы. Так что предсказания Распутина были лишь частью всеобщего ощущения надвигавшегося Апокалипсиса.

И все же видения и пророчества – были! Были проявления *таинственной темной силы*, которой обладал этот человек. Уже после его смерти, 24 февраля 1917 года, ненавидевший Распутина протопресвитер русской армии и флота Шавельский записал свой разговор с профессором Федоровым, лечившим наследника.

– Что нового у вас в Царском? Как живут без «старца»? Чудес над гробом еще нет? – насмешливо спросил Шавельский.

– Напрасно смеетесь, – вдруг серьезно ответил ему Федоров. – Здесь тоже все смеялись по поводу предсказания Григория, что наследник заболит в такой-то день после его смерти... Утром указанного дня спешу во дворец. Слава Богу, наследник совершенно здоров. Придворные зубоскалы уже начали вышучивать меня, но... вечером вдруг зовут: «Наследнику плохо!» Я бросился во дворец... Ужас! Мальчик истекал кровью, еле-еле удалось остановить... Вот вам и «старец», вот и смейтесь над чудесами, – закончил профессор.

Так что в видениях, несомненно посещавших Распутина, должен был присутствовать грозный призрак будущего цареубийства и смерти несчастного мальчика... Как, впрочем, и неминуемой собственной гибели.

«Тяжелая рука»

И, конечно, этот мистический человек не мог не чувствовать свою «тяжелую руку» – печальное влияние на судьбы людей, с ним связанных. Недаром сын экзарха Грузии Молчанов, размышляя о смерти своего отца, замечает: «Обозревая прошлое всех лиц, которые связали свою судьбу с Распутиным... Илиодора, Гермогена, Саблера, Даманского, сторевшего от рака... я пришел, может быть, к суеверному убеждению, что у Распутина тяжелая рука». Почти теми же словами расскажет следователю Белецкий о том, что он «видел печальный конец всех лиц, которые искали в Распутине поддержки... обязательный фатальный для них позор...» Но высокопоставленный чиновник Белецкий говорил лишь о конце *карьеры* людей, связанных с Распутиным. Он еще не знал, что надо было думать о конце их *жизни*...

Февраль оказался лишь первой ступенькой в кровь. Но скоро грянул Октябрь, и в камеры Петропавловской крепости явилось пополнение – к царским министрам, посланным туда Февральской революцией, присоединились творцы этой революции. Происходили забавные случаи: министра Временного правительства Терещенко (того самого, который говорил о цареубийстве с великим князем Николаем Михайловичем и, по его словам, вложил пять миллионов в Февральскую революцию) радостно приветствовал царский министр юстиции и председатель Государственного Совета Щегловитов: «А, вот и вы, Михаил Иванович! Право, необязательно было вам отдавать революции пять миллионов рублей, чтобы попасть сюда. Намекни вы мне об этом раньше, я приютил бы вас здесь бесплатно...»

И как символ, как напоминание о грозно вздетых руках Распутина, на его Гороховой улице открылось самое страшное учреждение в Петрограде – большевистская Чрезвычайная комиссия, так не похожая на идиллическое создание Временного правительства с тем же названием. Оттуда к расстрельной стенке последуют многие знакомцы Распутина...

Как огромно кладбище людей, связанных с Распутиным и погибших насильственной смертью! Ляжет в безвестные могилы вся честная компания распутинских выдвиженцев: Протопопов, Хвостов и Белецкий. С перемещением столицы в Москву этих бывших сановников перевезут в Бутырскую тюрьму. Адвокат С. Кобяков, выступавший защитником в революционных трибуналах, вспоминал: «5 сентября... в дни красного террора... им объявили, что они будут расстреляны... Бывший протоиерей Восторгов (еще один знакомец Распутина! – Э.Р.) проявил перед смертью величие духа: исповедовал их, отпустил грехи перед смертью. Расстреляли их всех в Петровском парке, рядом с рестораном «Яр», где так любил кутить Распутин. Казнь совершили публично. За несколько минут до расстрела Белецкий бросился бежать, но его вогнали в круг палками...»

Князь Андроников, столь близкий к «старцу» опасный сплетник, будет расстрелян в 1919-м. Погибнут епископы Варнава и Исидор. Не пощадит мучительная гибель бывшего друга, а потом врага Распутина – Гермогена. Павел Хохряков, глава тобольских большевиков, рассказывал, как он вывез епископа на середину реки, надел ему на шею чугунные колосники и толкнул в воду. И когда мощный Гермоген пытался удержаться на поверхности, его баграми забили, затолкали под воду... Как и Распутин, в реке погиб его главный враг, живым, как и Распутин, пошел ко дну...

И журналист Меньшиков, и царский священник отец А. Васильев... можно долго читать этот мартиролог распутинских знакомцев, погибших от рук большевиков... И конечно же Манасевич-Мануйлов, умело воспользовавшийся Октябрьским переворотом, чтобы освободиться из тюрьмы. Он счастливо добрался до самой финской границы, но на таможне его узнал некий матрос: «Не вы ли, часом, будете Манасевич-Мануйлов?» Тот успешно открестился от подозрения и уже готовился навсегда покинуть большевистскую Россию. Но он забыл о «тяжелой руке»... Именно в этот момент в комнату вошла его давняя любовница, актриса Лерма-Орлова, также уезжавшая в Финляндию. Увидев Манасевича, она восторженно закричала: «Ванечка!»

И расстреляли «Рокамболя» на самой границе...

Погибнут и великий князь Николай Михайлович, и великий князь Павел Александрович. И они сами, и их родственники внесли немалый вклад в распутинскую историю. Рядом с могилами их предков, великих российских царей, примут они смерть от большевистской пули... Ольга, жена Павла, напишет в своих воспоминаниях: «В ночь на 16 января... вдруг проснулась и явственно услышала голос мужа: «Я убит»...

Не минует пуля и Джунковского. Он сумеет пережить революционные времена, но придет пора нового террора... Бывший глава жандармов, генерал с воинственными усами, будет жить (точнее – существовать) в то время тихо и бедно – церковным старостой. Но метла террора его не пропустит: в 1938 году распутинского врага повезут на Лубянку – к расстрельной стенке.

Выжившие

Благополучно покинул Россию и вывез семью пройдоха Симанович – «тяжелая рука» Распутина не стала ему помехой. А может быть, его защитила благодарность десятков несчастных евреев, которых он спас при помощи «Нашего Друга» от расправы или фронта, и сотен тех, кому он через него добыл разрешение жить нормальной жизнью в Петрограде? За деньги (как утверждала полиция) или бескорыстно (как он сам утверждал), но Симанович помог этим бесправным...

Остался в живых Илиодор. Впрочем, неизвестно, что лучше – пуля или мучения, которые выпали на его долю. Он эмигрировал в Америку, где пережил биржевую катастрофу 1929 года, ужасное разорение, съевшее все деньги за книгу о Распутине, смерть сына, развод с женой... Он постригся в монахи в Мелвиллском православном монастыре, потом его видели в Нью-Йорке. Совершенно одинокий, нищий, он умер в 1952 году...

Сосланный в Тверь бывший обер-прокурор Синода Саблер пережил красный террор. Хотя ненадолго. Он жил подаяннием и умер от голода...

В Петрограде тихо жили Головины. После гибели «отца Григория» они, как и царица, ждали «всеобщего наказания» и не удивились, когда к власти пришли большевики. «Такою же тихой, ласковой, с обычным мигающим взглядом и даже в неизменной вязаной кофточке... я застала Муню, когда я пришла к ней на Мойку, случайно очутившись в Петрограде сейчас же после Октябрьской революции, – вспоминала Жуковская. – Еще ничто не изменилось в доме, даже казачок, дремавший в передней, и злой пудель Таракан были на своих местах... Меня провели к Муне в комнатку, здесь тоже было все по-старому, даже кровать Лохтиной за ширмой и ее посох с лентами, но сама она со времени смерти Распутина жила безвыездно в Верхотурье».

Здесь Жуковская ошиблась: Лохтина после Февральской революции находилась в заключении. В «Том Деле» есть документ о ее аресте: «8 марта в скиту Октай... арестована известная последовательница Распутина... Ольга Владимировна Лохтина». Генералышу поместили в Петропавловскую крепость. Большевистский переворот освободил ее, и она вновь отправилась в Верхотурье. Но монастырь уже разгромили большевики... В 1923 году ее будто бы видели в Петрограде – старуха в оборванном и грязном балахоне, с высоким посохом грозно просила подаяние у вокзала...

Беды обрушились и на Жуковскую. И главная – смерть горячо любимого мужа. В 1924 году, еще молодой, она перебирается на жительство в село Орехово во Владимирской губернии. И там, в глуши, добровольной затворницей писательница окончит свою жизнь, будто замаливая какой-то грех...

Такой же затворницей была и Вырубова в Финляндии. Став тайной монахиней, она жила одиноко, почти не покидая свое жилище, общалась лишь с женщиной, которая ей помогала. В 1964 году в абсолютном одиночестве она умерла в Хельсинкском госпитале...

Несмотря на революцию и террор, никто из убийц Распутина не погиб от пули, не разделил судьбы столь многих своих друзей. Умер в своей постели от тифа в Гражданскую войну Пуришкевич. В Швейцарии умер великий князь Дмитрий – один из немногих уцелевших Романовых. В Париже благополучно скончались князь Юсупов и доктор Лазаверт...

Но воспоминания о мужике не покидали их до смерти.

Марина Грей рассказала мне историю о докторе Лазаверте. Он купил в Париже квартиру и мирно жил, пытаясь изгладить из памяти кошмар той ночи. Однажды он уехал отды-

хоть на лето, а когда вернулся, увидел, что в его доме открыли ресторан. Ресторан назывался... «Распутин»!

Мужик продолжал мистически участвовать даже в судьбах их детей. Ксения Николаевна, внучка Феликса Юсупова, рассказала о том, как в 1946 году ее мать (та самая, которая ребенком кричала – «война... война...») вышла замуж, сменила фамилию и приехала в Грецию. Там она познакомилась с женой голландского посла, очаровательной русской женщиной. Они стали неразлучными подругами. Когда наступило время расставаться, жена посла сказала дочери Юсупова: «Я хочу открыть вам горькую правду, которая, возможно, вам не понравится... Дело в том, что моего деда зовут Григорий Распутин». Это была одна из дочерей Матрены и Соловьева. «Моя правда, – ответила ее подруга, – возможно, не понравится вам еще больше. Дело в том, что мой отец убил вашего деда...»

«Вечно вместе и неразлучны»?

И в смерти, и после смерти он оставался с Царской Семей. Семья примет смерть в очень похожем подвале. И точно так же их тела будут брошены в воду (в затопленную шахту), а потом, как и останки мужика, преданы земле... И так же, как и труп «Нашего Друга», после расстрела будут «странствовать» с места на место трупы Царской Семьи. И так же, во время поиска места для тайного захоронения, внезапно застрянет грузовик с трупами Семьи, и так же разложат костер, чтобы их сжечь. И цареубийца Юровский напишет в своей «Записке»: «Около 4 с половиной утра машина застряла окончательно... оставалось... хоронить или жечь... Хотели сжечь Алексея и Александру Федоровну, но по ошибке сожгли вместо последней... Демидову».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.